

XXI
ПЛАСТИНКА

Савеллий Аркус

Савелий Аркус

XXI-я пластинка

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25204366

«XXI-я пластинка» / Савелий Аркус : Издатель ИП Ромм М.Н.; Москва;

2017

ISBN 978-5-99062-233-3

Аннотация

Добро пожаловать в миры Савелия Аркуса.

Знакомство с этим автором вы начинаете с книги счастья. Она покажется вам наивной, фантастичной, мудрой и эмоциональной, а послевкусие вас приятно удивит. Вы, и в правду, станете счастливее.

Аркус дает своему читателю самое ценное – хорошую историю.

Эта книга вне времени. Она о людях и их мыслях, о любви, приключениях и науке. Герои застревают в прошлых столетиях, встречаются с гениями, о которых читали в книжках, и все ради одного – вернуться домой в XXI столетие. Но для этого им нужно создать пластинку и записать на нее звук из будущего. Смогут ли они преодолеть светские интрижки прошлого, сбежать от преследователей и признаться друг другу в чувствах?

Содержание

Глава I	4
Глава II	19
Глава III	35
Глава IV	48
Глава V	67
Глава VI	80
Конец ознакомительного фрагмента.	88

Савелий Аркус

XXI-я пластинка

Посвящается тем, кто рядом...

Глава I

«You gotta break free»¹

(«Break free», The BossHoss, 2009)

Под нарастающий гул турбин самолёт поднимался в небо. Аэропорт солнечного Майями оставался позади, впереди ждал холодный Петербург. Макс смотрел в иллюминатор. Суточная щетина на лице и легкий спортивный стиль в одежде намекали на поспешность вылета. Он пытался собрать воедино свои воспоминания о России: снег, цветущая груша, старая кухня с жёлтыми обоями, родители – ещё вместе, дед с трубкой на террасе, отцовская «Волга», первый раз за рулём. Прошло двадцать с лишним лет, тогда он был совсем ребёнком, теперь же он возвращался в опустевший дом дедушки Лёни на оглашение завещания.

Макс, он же Максим Фёдорович Крестовский, в свои

¹ Тебе придётся вырваться на свободу

тридцать уже входил в десятку богатейших холостяков мира. Опытный автогонщик, успешный бизнесмен с внешностью героя американских блокбастеров – он являлся обладателем небрежно взъерошенных тёмно-русых волос, светло-голубых глаз, атлетического телосложения и всевозможных премий и наград за победы в ралли и трофи-рейдах. Его имя давно стало брендом спортивных центров и спорттоваров.

Свои первые деньги Макс заработал ради благополучия матери – скрипачки. Когда-то она была вынуждена воспитывать мальчика одна, в незнакомой стране и, несмотря на все трудности, смогла привить сыну веру в себя и великолепный музыкальный вкус, а затем и дать свою девичью фамилию. Из всего своего имущества она привезла в Америку только две пластинки: «Битлз» и концерт Д. Шостаковича.

Долгие годы в Штатах они перебивались кое-как, затем Макс, получив водительские права, рискнул принять участие в местном заезде и выиграл. Мальчика отметили спонсоры и пригласили на участие в престижном трофи-рейде. Так началась его история как первоклассного водителя и спортсмена. Но видя переживание мамы за каждое его соревнование, Макс поспешил найти другие варианты заработка. Его имя было уже на слуху, и он окунулся в бизнес. Собрал команду из старых друзей и начал с продажи простых спортгаджетов. Спустя два года запустил собственную линию производства: спортоборудование, одежда и прочее, – таким об-

разом, дав своей матери спокойную счастливую жизнь в достатке.

Макс был ходячим подтверждением, что заработать миллион проще, когда думаешь не о деньгах, а о тех, кому они нужны. Однако чем старше он становился, тем дальше они с мамой жили друг от друга. Макс понимал, что как сын он должен заботиться о ней, но не более того. И он не бросил экстремального вождения – ведь это была его страсть. Став большим человеком, он по-прежнему оставался ребенком. Непоседой, любознательным, восторженным и с потрясающим воображением, что постоянно разжигало в нём страсть к новым приключениям.

Вернувшись накануне ночью с очередного внедорожного соревнования, на которое ездил, скорее, чтобы развеяться, нежели ради победы, Макс вошел в свой дом и осознал, что это не более чем конструкция из бетона и стекла. На первом этаже всё ещё стояли коробки с вещами. Мебель по-прежнему была укутана в целлофановую пленку. Ни домашнего уюта, ни теплого приёма, ни готового ужина ему получить не удалось. В этот приезд домой он особенно сильно ощутил, что не всё приобретается физическим трудом. Есть вещи, которые рождаются от иных инвестиций, которые при этом должны быть постоянными – это время и общение. А как раз этим Макс долгое время и не располагал. И в результате ему не с кем было поделиться своими мыслями, успехами и переживаниями, – он был абсолютно одинок. И если

с деньгами было просто: вложил силы – получил средства, то в отношениях с другими людьми всё становилось в разы сложнее. Деньги дали ему свободу найти свой путь. Разбогатеть и найти себя оказалось куда проще, чем обрести своего человека.

– Душевно и тепло, хоть шубу надевай, – усмехнулся Макс, бросая сумки на пол в прихожей и включая свет. Под дверью лежала почта, накопленная за дни его отсутствия. Он поднял стопку конвертов; пройдя в дом, бросил их на стол в кухне и отправился в душ.

Проснувшись утром, он сделал завтрак из того, что удалось найти. Хрустя чипсами, Макс стал перебирать конверты. Один из них оказался из России. Он удивился и, покрутив в руках, вскрыл. Внутри лежало официальное письмо, составленное на двух языках: русском и английском. Макс прочитал на русском – он прекрасно владел им благодаря матушке-аристократке. В письме содержалось приглашение присутствовать на оглашении завещания Леонида Давидовича Крестовского – его деда, которое должно было состояться через одиннадцать часов, – с учетом разницы во времени, – в далёком Санкт-Петербурге в России. На чаше весов «за» поездку выступала возможность покинуть пустой дом; «против» – не было ничего. Через пару часов Макс стоял на трапе с билетом в Россию на руках.

Он сидел в самолете и голос в его голове настырно напевал «Back in USSR... Ты сам не знаешь, как тебе повезло, друг

мой. Снова в СС... снова в СС... снова в СССР!» – эта была одна из песен с маминых пластинок. Максу никогда не было свойственно предаваться ностальгии в любом её виде. Вот и теперь зарождавшиеся в нём воспоминания о России практически сразу оттолкнул в сторону прагматизм бизнесмена. Макс набрал номер Питера Гофера, – своего официального заместителя.

– Алло! Питер, включай голову на запись. С завтрашнего дня остаёшься за старшего. Китайцы и Аляска на тебе! Понял?

– Что? Я? Да... – перепуганный Гофер перебирал в голове информацию, которую необходимо донести до начальника. – Я вчера провёл брифинг с аналитиками по поводу рынка продаж в Азии и звонил Уолту... – начал он растерянно сыпать в ответ, но Макс перебил его:

– Я на месяц-другой улетаю в Россию, у меня срочные дела. Звонить буду сам. Завалишь бизнес – уволю! Всё, давай, дальнейшие указания получишь у Шеры. – Макс повесил трубку.

Питер ещё минуту озадаченно постоял посреди офиса, а затем, встряхнув чёлкой и задрвав нос, вышел к коллегам со словами:

– Так!... – и хлопнул в ладоши. Разумеется, коллеги сделали вид, что готовы слушать.

Но в любом коллективе всегда имеется «тёмная лошадка» – человек, от которого действительно зависит вся работа

фирмы. И это не директор. В дни отсутствия Макса всеми делами занималась Шарлотта, – друг детства. Никто и никогда не знал, где и как проявит себя Шера в жизни, но в бизнесе без её мозгов было не обойтись. Сдержанная и расчётливая, она в тени босса рулила непотопляемой фирмой.

Видя расплывающегося в речах Гофера, знойная красотка в комбине зоне чёрной кожи аккуратно нажала кнопку «фото» на своём смартфоне изящным пальчиком со свежим маникюром. Фотографию Гофера, читающего коллегам свой манифест, она отправила Максусу с сообщением: «Ты – тролль. Было б смешно, если бы не мне всё тягать». Макса повеселило это трогательное напоминание о фирме – он был спокоен за свой бизнес... по крайней мере, пока Шарлотта в его команде. В остальном его ничего не держало. Его образ жизни не требовал ничего бросать или отменять, а страсть ко всему новому и экстремальному с годами в нём только усиливались. И теперь, устроившись поудобнее в кресле самолёта, Макс отключил телефон и предался сну в небесах.

«Главное – не быть дома. На достигнутой вершине ты стоишь один...» Макс проснулся. В голове звучали мысли, которые ему приснились. Внутри всё сжималось и проваливалось в какую-то бездонную дыру. Чем её наполнить – он не знал, каким чувством или едой. На всякий случай заказал у стюардессы завтрак.

Из иллюминатора было видно только облака и завалившееся солнце. Там, далеко, все эти годы существовал Санкт-

Петербург, где они жили в уютной квартире, а летом выезжали гостить к деду с бабушкой. Макс по-прежнему пытался вспомнить деда. Но в мыслях царил сумбур, из которого он вылавливал редкие факты. В девяносто втором году, когда НИИ, где работал отец, закрыли, он с родителями уехал в Калифорнию, а дед с бабушкой остались в Питере. В голове всплыли картинки из детства: деревянный дом в лесу и огромная груша во дворе, под которой стоял стол. Макс улыбнулся, вспомнив, как они ели арбузы на этом столе, как по осени его заставляли банками и как отец раскладывал на нём свои чертежи.

Петербург встретил Макса радостным осенним ветром с Финского залива, перемежающимся мелкой и колкой ледяной крошкой. Октябрь пятнадцатого года в России вообще был чрезвычайно щедр на погодные сюрпризы. Закутавшись в капюшон своей спортивной куртки, Макс сбежал с трапа в автобус, и всю дорогу до аэровокзала размышлял о том, что иной раз здорово бы поинтересоваться погодой, а не просто схватить какую-то куртку и надеть любимый спортивный костюм. Стаканчика чая в тёплом помещении было достаточно, чтобы согреться и собраться с мыслями. До оглашения завещания оставалось три часа – вполне хватало, чтобы вызвать такси и побродить по торговым рядам в Пулковое, чем и занялся Макс.

– Интересно, здесь есть пробки? – около отдела игрушек вслух подумал он о предстоящей дороге из аэропорта на Ли-

тейный.

– Нет. Мечи световые вот завезли. А пробок у нас нет, – разъяснила милая кучерявая продавщица, спросонья кутаясь в плед.

– Погодка у вас ай-яй! – Девушка была симпатичной, Максу было откровенно скучно, и он поддержал разговор.

– Это Питер... – улыбаясь, банально прокомментировал кучерявый плед. – Хочешь пожаловаться на погоду? Так это не здесь, тут этим не удивишь. Позавчера вот плюс двадцать было днём. Жара... Питер создан, чтобы закалять метеочувствительных людей. А из обычных – делать метеочувствительных. Делать и закалять...

«Как и вся жизнь, – подумал Макс. – Делает и закаляет. Только вроде почувствуешь, что закалился, так она снова тебя сделает. Не зря я, видимо, тут родился».

– Ничего, привыкнете. Вы домой прилетели? – продолжал делиться мудростью плед.

– Нет, померзнуть.

– Если так, то лучше в ноябре приезжайте.

– С вами рискованно так загадывать, прилечу в ноябре, а у вас тут жара тропическая! Вот вам моя визитка, наберите, когда у вас будет самая противная погода, и я прилечу.

Он протянул девушке визитку и взял трубку проснувшегося телефона:

– Вас ожидает такси. Номер машины – сто тридцать семь, – произнёс голос в телефоне, и Макс, попрощавшись

со случайной собеседницей, направился к выходу.

– Чудак какой-то! Визитку сунул... – хмыкнула продавщица и достала свой сотовый. – О'кей, Гугл, кто такой Макс Крестовский...

На улице Макс обнаружил заниженный и добротнотонированный российский автомобиль на больших блестящих дисках. Ярко-белая «Приора» – машина лихая, и дело даже не в двигателе или каких-то технических фишках. Всё дело в харизме.

– Во! Парниш, реальный прикид! А то вёз тут ща одного, тьфу! Не пойми как вырядился! Прикинь, да! Фиг знает, как с ним разговаривать! Парень он иль ваще – оно какое-то! Куда едем-то, бро? Литейный? – выдал рулевой, который был облачен в точно такой же спортивный костюм, что и у Макса, только, пожалуй, пара букв в лейбле были перепутаны.

– Угу... – задумчиво промычал Макс. Его несколько ошарашило такое обращение, напомнив своим стилем о жителях неблагополучных кварталов в Штатах. Не думал он, что, несмотря на такую разницу в окружении, культуре, языке и цвете кожи, встретит это и здесь. А ведь действительно, если человек хочет жить подобной жизнью, то по какую сторону моря он ни оказался бы – всё будет по его желанию. Огорчило мужчину и само транспортное средство. Во-первых, – и в качестве самой главной претензии – оно было жутко тесным для Макса. Во-вторых, он ожидал такси, где водитель выйдет и поместит багаж в предназначенный как раз для этого ба-

гажник, а Макс можно будет, не думая ни о чём, устроиться на удобном заднем диване и полюбоваться видом из окна, наслаждаясь плавной ездой. Ему же пришлось подпереть головой потолок и скомкать сумку у себя на коленях, – багажник и задняя часть салона были заняты сабвуфером. Скрючившись пополам, насколько позволяла комплекция, Макс мысленно вспомнил свой диван в плёнке посреди просторной гостиной. «Лучше б распаковывал», – подумалось вдруг ему.

– Как поедет? – спросил водитель, поджигая папироску.

– Быстро! – недовольно отрезал Макс и посмотрел на часы – оставалось около часа.

– Во, эт нормально, организуем.

– Сигарету потушите. – К курению отношение у Макса было крайне категоричное.

– Чё? Я окошко же открыл! – Водитель недоумевающе уставился на Макса.

– Для здоровья вредно. – Макс посмотрел в глаза водителю.

– Чё-то ты какой-то...

Угрюмый Макс, занимавший практически всю переднюю часть «Приоры», вновь встретился взглядом с шофёром. Тот, секунду подумав, выбросил сигарету.

– На Литейном куда? – уже не так браво спросил он Макса. Собственно, это был первый вопрос о сути дела.

– Дом номер тридцать восемь.

Машина промчалась по КАДу, довольно быстро пролетела расстояние по Измайловскому до набережной Фонтанки, где и встала в обычную утреннюю пробку. Не зря Макс думал о пробках в аэропорту – они здесь всё же были, как и во многих российских городах. Питер, увы, исключением не стал. Макс сидел и немного нервничал, принимая эту неудачу на свой счет. Он терпеть не мог ситуаций, на ход которых не мог повлиять. Где-нибудь в Нью-Йорке он бы вышел из машины и пошёл пешком, но погода за окном совсем не располагала к пешим прогулкам, да и до Литейного ещё не доехали. А куда идти – Макс не представлял, и такое пешее путешествие могло бы затянуться. Пришлось ждать, сидя в такси. Поток полз синхронно с минутной стрелкой его хронометра.

Тем временем где-то в небольшой конторке с массивным названием «Гарант-Плюс» скучали адвокат и нотариус, похлёбывая растворимый, но довольно ароматный кофе. Ледяная крошка стучала в окно. Часы тикали.

– Саш, вот ещё двадцать минут, и если эти наследники не явятся, я ухожу. У меня ещё встреча в СИЗО с клиентом! А дотуда ещё доехать надо, – проныл невысокий мужчина лет тридцати с небольшим, облачённый в серый костюм и бледно-розовую рубашку. В пальцах одной руки он крутил пластиковую ложку, во второй держал гранёный стакан с остатками кофе.

– Ну давай, Андрюх, кофе допивай, и покурим пойдём.

Потом – по своим делам. Мне тоже не светит весь день тут сидеть. На сегодня кроме этого завещания нет ничего. Домой пойду, пятница всё же. – Собеседник Саша был повыше и покрупнее Андрюхи, а джинсы и свитер на нём давали понять, что официальных встреч он в этот день не планировал.

– Вот ты халявщик... всегда так! Я с универа ещё заметил. Вечно всё у тебя как-то не напряженько. – Андрей одним глотком допил остатки кофе.

– А ты не завидууй, не завидууй. Надо было правильную профориентацию выбирать. Тебе вечно приключений на свою пятую точку не хватало! – Саша стал укладывать документы в ящик стола, затем запер его на ключ, и друзья-юристы, под взаимные подколы, вывалились на улицу. Напротив них остановилось ярко-белое тонированное такси на ярких блестящих дисках, покрытое тонкой хрустящей корочкой изо льда и ненавязчивой дорожной питерской грязи. Из машины вышли двое; один – атлетического, другой – апокалиптического телосложения, в одинаковых костюмах, у атлета на плечи была накинута ветровка не по погоде, а в руках болталась сумка. Он направился к зданию, а водитель начал какой-то щёткой тереть передний номер.

– О, смотри, Андрюх, двое из ларца одинаковых с лица!

– Где?

– Да вон, с бэтмобиля десантируются.

– Х-хэ... клоуны какие-то. Вчера дело было, такую шаланду угнали. Представляешь, угнали! И подозреваемых двое,

опрашивали одного – вот в таком же костюме. Он у них как форма идёт, что ли?

– Ё-к-л-м-н, их ещё угоняют?

– Вот-вот! И не говори!

Оставив без внимания их диалог, атлет прошел мимо и направился в здание, а водитель, дотерев наконец номер, сел в машину и смешался с потоком.

Макс дернул ручку офиса № 306. Оказалось закрыто. На всякий случай он постучал. Ситуация не изменилась.

«Damn! Хотя бы могли номер телефона оставить. Где их искать теперь? – подумал Макс. – Ладно, найдём!». Выходя, он заметил двух балагуров, пожимающих руки, и на всякий случай решил поинтересоваться у них.

– Мужики, вы не в курсе, в триста шестом вообще работают сегодня?

– Да. А вы по какому вопросу? – Андрюха уже хотел идти по своим делам, но Саша задержал его, не давая тому прервать прощальное рукопожатие.

– На оглашение заве... завещания, – почему-то это слово далось Максусу с трудом.

Саша с Андрюхой многозначительно переглянулись. «Послал бог наследника!» – пронеслось в их взглядах.

– Пройдёмте в кабинет! – Саша достал из кармана ключи от кабинета и показал рукой на вход в здание.

Нехотя возвращаясь в рабочую атмосферу, участники слушания, – все, кроме Макса, – натянули на лица офици-

альные выражения, достали какие-то папки.

– Итак, все стороны в сборе, – начал Саша по праву нотариуса. – Представитель покойного – адвокат Андрей Вадимович, и, как я понимаю, наследник – Максим Фёдорович. Приступаем.

После процедуры оглашения Макс осознал, что ему завещали тот самый летний дом с грушей во дворе, сберкнижку с шестьюстами пятьюдесятью рублями и автомобиль загадочной марки «Вартбург».

Макс любил ездить, любил автомобили, но о такой марке слышал впервые. Да и не припоминал, чтобы у деда была машина, однако это нисколько не обескуражило наследника. Есть машина – хорошо, не надо будет мотаться по Питеру в этих тесных капсулах со спортсменами за рулём. Хотя вообще вся эта процедура, да и само наследство, оставили довольно неприятный осадок. Почему так – Макс не задумался, – копаться в себе было совсем не в его стиле, он не привык тратить время на скучные и бесполезные вещи, к которым он, без сомнения, причислял и рефлексию.

Оглашение завещания и подписание документов заняло около полутора часов.

– Есть вопросы? – в конце осведомился нотариус.

– Есть, – уверенно подняв голову, оживился Макс. – Где тут у вас нормально поесть можно?

– Наш, наш человек! – заключил адвокат.

Далее встреча, и так начинавшаяся «без галстуков», окон-

чительно приобрела неформальный характер.

Глава II

«Дом стоит, свет горит...»

(Виктор Цой, 1988 г.)

– Да, ресторанчик ничего... – Максу понравилась харчевня на украинский манер, куда его привел Андрияха. Она располагалась на первом этаже обычного каменного строения, каких в любом городе сотни, если не тысячи. Но в помещении поработали на славу, и изнутри ничего не выдавало холодной каменной наружности. Всё выглядело, как в мазанке: печка, деревянные лавки, сусеки, столики-бочки с соломенными тюками и прочими предметами сельского обихода вокруг. Макс снобизмом не страдал, не всегда человек превращается в результат миллионов на счету, бывает и наоборот, когда миллионы – результат самого человека. И тут главное: человека в себе и не потерять. Макс не потерял. А здоровенный горшочек запечённых пельменей только добавлял ему человечности.

– Да, хороший... Максим... – вкрадчиво начал Андрей какую-то фразу, в которой уже чувствовался и вопрос, и скорбь одновременно.

– Лучше – Макс, непривычно, – оборвал тот.

– Хорошо, Макс, я бы вот какой вопросец хотел ещё уточ-

нить. Насчет оплаты...

– Какой оплаты? – Макс поднял глаза на собеседника.

Андрей сидел с меланхоличным выражением лица, движения его были ленивыми, но по глазам и подергивающимся пальцам чувствовалось, что нутро его так и елозит. Он не умел генерировать идеи на миллион, не обладал особой работоспособностью и исключительной деловой интуицией, однако своего шанса вытянуть из клиента очередной клочок шерсти никогда не упускал. Сейчас Андрей видел перед собой человека довольно решительного и абсолютно не зависящего от него, что случалось в его практике редко и, по правде сказать, очень ему не нравилось. Желая извлечь для себя выгоду, он детально обдумал план. Но, глядя на Макса, понимал – если он скажет что-то не так, Макс откажет. И уже не передумает. От этого он недолюбливал Макса и побаивался ситуации. А может, и наоборот. Для начала он решил сыграть на чувстве вины Макса перед дедом, которую в нём предполагал.

– По поводу участия во всем этом... Ваш дед поручил мне представление интересов ещё два года назад, перед тем как его перевели в Дом престарелых... – Андрей говорил с осторожностью, выделяя и растягивая слова.

– А чего ж вы не сообщили, что его в Дом престарелых увозят? – сурово спросил Макс, явно давая понять, чья здесь вина.

– Кому? Мы писали, кажется...

– Да, с таким подходом вам много не заработать! – ухмыльнулся Макс и отправил в рот очередной пельмень.

– Ну свое-то получить я всё же надеюсь! – Андрей нелепо улыбнулся, мысленно выругавшись в адрес Макса и разозлившись на себя за неуместно радостную физиономию.

– И сколько? – Своё внимание Макс адресовал меню, бытие чувств адвоката его особо не трогало. – А вот это – первак – это что такое? Пробовал?

– Двадцать тысяч триста рублей. – Андрея такое пренебрежение финансовыми делами, притом касающимися лично его кошелька, раздражало, и на вопросы о меню он отвечал так же сухо и коротко, как Макс – на вопросы об оплате. – Пробовал. Крепко, к пельменям – самое то.

– Крепко... м-м-м, нет, мне за руль ещё. Дела решать, – задумался Макс. – Двадцать тысяч триста говоришь?

– Да, минутку. У меня и бумаги с собой.

Андрей, убедившись, что Макс наконец внимает ему, достал из портфеля скоросшиватель с аккуратно вложенными в файлы документами и начал их перелистывать, тыкая палец то туда, то сюда, отчаянно пытаясь обосновать свои финансовые притязания.

– За представление интересов три четыреста, за участие...

Подробности подсчета прошли как-то мимо ушей и мыслей Макса. В его голове играла очередная песенка из Советского союза. На этот раз это была песенка «состоятельных кротов» из мультфильма, который он смотрел ещё по чёр-

но-белому телевизору:

*Пятью пять – двадцать пять, пятью восемь – сорок,
Шестью шесть – тридцать шесть, дважды два –
четыре...*

Сначала он пару раз глянул на мятущийся палец, потом поверх головы увлечённого адвоката оценил снегопад за окном – он уже перешёл в мелкий дождь, затем продолжил задумчиво шкрябать ложкой горшочек из-под пельменей.

– Итого – двадцать тысяч триста, – как бы с сожалением выдал адвокат.

– Хорошо, кидайте счет, оплачу. Без проблем, – пожал плечами Макс, не видя никаких затруднений.

Андрей поморщился.

– Счет это долго, у нас в России волокита, сам понимаешь... страна у нас такая...

– Наличные всё равно на такси все ушли. А когда надо?

– Ну, как говорится, могу какое-то время подождать... хотя если вы вдруг решите внести сумму – то в любое время, я этому препятствовать, само собой, не буду.

– То есть сейчас платить или ждёте? Не пойму что-то...

Понять витиеватость, в которую пустился Андрей, и впрямь было непросто. По-видимому, он и сам это понимал. И посему решил, не теряя момента, когда Макс действительно включился наконец в беседу, перейти к сути дела:

– Я вот что подумал. Вам, наверное, надо дела с наслед-

ством решать. Оформить, распорядиться. Вы всё это продавать будете? Я бы мог порекомендовать вам свои услуги в этом деле... не вполне, конечно, мой профиль, но как я понимаю, в Питере-то у вас и нет никого. Так подумайте...

– Да. Подумаю... но зачем адвокату эти хлопоты?

– Честно говоря, у меня есть свой интерес. Если решите дом продавать, я бы купил. Давно дачу хотел подальше от города. Родители у меня старики, вывез бы их туда – всё же дом-то капитальный. И эти двадцать триста в зачет пошли бы.

Макс улыбнулся:

– Подумал.

– Что подумал? – удивился Андрюха

– Подумал над вопросом. Согласен.

– Партнёры? – широко улыбнулся в ответ адвокат и протянул руку

– Вроде, да. – Макс быстро и крепко пожал протянутую сухощавую ладонь адвоката. – Машина есть у тебя?

– Есть, конечно. Хочешь дом осмотреть?

– Отвезёшь?

– Может, тогда прямо завтра, в девять утра? – Воодушевлённый достигнутой целью, Андрей осмелел и был готов предоставить не только свою машину, но хоть бы и триста воинов «конно, людно и оружно», обоз с провизией и цыган с медведем.

– Нет, давай сейчас. Я хоть машину оттуда заберу.

Адвокат поджал нижнюю губу, но интерес к дому был несколько выше интересов клиента в СИЗО и, секунду поколебавшись, выдохнул:

– Поехали!

Андрей вёл машину небыстро, погружённый в мысли о реализации своего плана по поводу дома. Макс диалогами тоже не докучал – мирно дремал на соседнем сидении. Видимо, эта морозящая погода и монотонная дорога сделали своё убаюкивающее дело. А из радиоприемника в салон автомобиля проникала грусть солиста группы «Кино» Виктора Цоя, облеченная в слова: «Дом стоит, свет горит. Из окна видна даль. Так откуда взялась печаль?..».

Спустя час они свернули на двухполосную дорогу, ещё минут через сорок она превратилась в бетонку. А когда проехали последний в этом направлении посёлок, если судить по карте, дорога и вовсе стала песчано-глинистым грейдером, испещрённым следами от ручьёв дождевой воды и лужами во всю ширину. Андрею явно не нравилась эта дорога. Последний раз он был тут пару лет назад, и то летом, и не обратил тогда внимания на её качество. Полив машину с ног до головы грязной жижей и получив пробой подвески на хорошей кочке, он вспомнил, что в конце будет ещё километр лесом. Относившийся с особым трепетом к своей машине, Андрей стал ехать как можно тише и аккуратней, боясь оставить в лесной колее часть пластиковых бамперов и ещё чего-нибудь в довесок. На очередном ухабе Макс открыл глаза.

– Ух ты... это где мы?

– Едем... вот! – Андрей нервничал, переживая за машину.

– Долго ещё?

– Да километров семь... но по такой омерзительной... как ее назвать... дорогой язык не повернётся! В общем, по этой стиральной доске – минут тридцать, наверное!

– Да нет, вполне приличный хайвей... Доберёмся! – Макс усмехнулся, потянувшись на сидении. Оглядевшись, он начинал припоминать эту дорогу и деда, печально смотрящего из окна второго этажа вслед «Волге», увозившей их в аэропорт в 92-ом году. Машину тогда сильно качало, и он специально посильнее подпрыгивал на этих кочках, чтобы лучше спружинить на мягком заднем сидении.

Тем временем начался пролесок. Андрей зря переживал, дождь не успел превратить дорогу в непроходимую топь, а деревья охотно выпили сегодняшнюю порцию небесной влаги, угодившую на этот кусочек земли. Через два с небольшим часа с момента отправления они подъехали к дому.

Ни миллионер, ни адвокат никак не ожидали застать здесь буйство природы и зыбкость времени, отразившиеся на усадьбе. Напротив ворот стояли останки автомобиля светло-серого цвета. Из места, где должен быть капот, росли две березки. Центром пейзажа был двухэтажный деревянный дом с широким парадным входом, украшенный резьбой. Он выглядел бы как дворец, но в доме никто не жил уже два года, да и до этого старик вряд ли регулярно занимался ре-

монтом – сил едва хватало печь топить, и дом постепенно приходил в упадок. В уже начинавшихся сумерках это всё образовывало картину, достойную быть декорацией к самым мистическим сюжетам Тима Бёртона.

Протоптав тропинку, Макс пробрался к крыльцу. На двери висел здоровенный амбарный замок, однако проушина уже выпала из косяка, а может, кто-то помог ей сделать это. Он открыл дверь. Старый дом ответил на такое бесцеремонное вторжение несколькими осыпями штукатурки. Макс решил пройтись по дому. На кухне все шкафы стояли открытыми, железная посуда совершенно закономерно, но не вполне законно исчезла, как и холодильник, стол, вся электропроводка, дедовский инструмент и кое-что ещё по мелочи. Лестница на второй этаж выглядела довольно крепкой, и Макс поднялся наверх. На втором этаже были две большие комнаты, в одной жили дед с бабушкой, вторая обычно отдавалась родителям, когда они всей семьей приезжали сюда. В дедовской спальне под кроватью лежала подушка и три связанные бечёвкой стопки журналов «Наука и техника». В коридоре на полу одна доска треснула и стояла бугром, рядом лежал патрон от лампочки. Макс пнул патрон, и он покатился, оглашая безжизненные стены противным жужжанием.

– Тут ремонт нужен, – раздался снизу голос Андрея, он решил не входить внутрь и выкрикивал вопросы, стоя на входе.

– Да, не помешал бы, – ответил Макс и вздохнул.

Дверь в одну из комнат была заперта и заколочена доска-

ми крест-накрест, Макс потрогал доски и хмыкнул. Снизу раздался вкрадчивый голос Андрея. Он отважился подойти к самой лестнице и вещал что-то о том, как они с работниками Собеса собирали деда в Дом престарелых, как оформляли в последний момент бумаги на землю и на дом, как стаскивали сюда вещи. Макс перебил его:

– А если сейчас продавать буду, почём возьмешь? – Он вышел на лестницу и стал спускаться к Андрею.

– В таком состоянии? – глаза адвоката округлились.

– Да, прямо как есть, – уточнил Макс, поравнявшись с ним.

– Боюсь, я погорячился. Восстановление этого хозяйства обойдется куда дороже самого дома и участка. Я могу предложить двести тысяч рублей, но не думаю, что тебя это устроит.

– Это около трех тысяч в долларах, – навскидку заключил Макс.

– Тысячи три с половиной где-то... – сказал Андрей, слегка конфузясь. Из-за ситуации с курсом рубля его предложение выглядело сейчас крайне бледно.

– А если ремонт сделать, почём можно продать? – особой ценности для себя Макс в этом доме не видел, но отдавать за бесценку не позволяла привычка бизнесмена.

– Тысяч девятьсот, миллион... далековато от дорог и поселений, хотя дом, конечно, хороший. – Андрей подошел к стене и ковырнул штукатурку. Большой её кусок шлёпнулся

на пол, осыпав его белой пылью.

Глядя на Андрея, отряхивающегося от штукатурки, Макс отвернулся к окну, пряча неуместную улыбку. Он стоял посреди некогда родного дома со знакомым до боли пейзажем за его окнами. Под деревом торчали жерди – остатки навеса, под которым отец ставил свою «Волгу». Макс задумался, он мог продать дом Андрею, ничего с ним не делая. Однако в нём совершенно отчетливо укоренилось чувство, что в этом случае он поступит неправильно. И дело было не в прибыли. Доход от продажи этого дома, как и расход на его ремонт, в любом случае не сильно скажутся на его благосостоянии. Макс подумал о своей матери: «Ей, наверное, это всё очень дорого. Может, она захочет сюда вернуться? Но заставить дом в таком виде ей будет вряд ли приятно. Сделаю дом и привезу ее сюда. Андрей заинтересован, он может поспособствовать восстановлению». Сразу возвращаться в Штаты Макс тоже не особо хотелось. И он решил руководить всеми работами лично. «В такого рода делах я ещё не участвовал, – размышлял он. – Приятная авантюра. Лес, природа, дом старый, деревянный. Надо поработать на результат. Я это люблю. Останусь здесь на пару недель. А там посмотрим, что выйдет».

– Будем делать ремонт, – озвучил своё окончательное решение Макс.

– Но Макс, ремонт сейчас может обойтись дорого. Не сезон, да и материалы подорожали. Подумай, может, давай я ещё полтинник накину, за всё как есть? – Андрей пытался

уговорить Макса, по-видимому, предполагая выгоду.

– Ты же говоришь, что восстановление ещё дороже, так зачем оно тебе? Ремонт делать будем! Если так нужен дом, поищи нормальных строителей, в твоих интересах, чтобы они недорого починили. Я готов вложить сюда тысяч десять... может, и побольше. Так, с этим всё ясно. Поехали обратно! – На этой фразе Макс развернулся и резко направился к выходу.

В принципе, на что-то подобное Андрей и рассчитывал. Сначала подсунуть бригаду знакомых умельцев, которой руководит его тесть, а потом выкупить готовый дом за половину реальной цены. Возможно, попутно ещё и ремонтными работами поруководить.

– О'кей, найду! У меня есть кое-какие контакты! – Андрей догнал Макса только около машины.

– И машину мне найди, – добавил Макс, по привычке подошедший к водительской двери.

– Это сложнее... напрокат? – Андрей суетливо отстранил его и пролез за руль.

– Покупать здесь машину я не планировал. Поэтому лучше напрокат. – Макс сел на пассажирское кресло и стал пристёгивать ремень.

– А какую? Хотя, сам выберешь. Сейчас отсюда поедем – в прокат заедем, знаю одну контору на въезде в город. Поехали, а то не успеем!

В офисе фирмы по прокату автомобилей их встретили яв-

но безрадостно – ещё бы, пятница, шестой час вечера. Вывели на площадку, где перед ангаром ютилось несколько иномарок среднего и эконом-класса.

– Это всё? – разочаровался Макс

– Нормальные машины! Мы в основном свадьбами занимаемся... все берут, не жалуется. А вас что не устраивает? – обиженно поинтересовалась женщина-администратор. Макс, проходя по рядам автомобилей, грустно тыкал ботинком в колёса и кривил рот. Андрей, приобняв дамочку, мурлыкнул ей на ушко:

– Танечка, ты машинки-то поактивнее предлагай, очень перспективный клиент уплыть может.

– Хотя, есть «Порше Кайен»! – словно спохватившись, продолжила женщина. – Но это дорого.

– «Порше» сойдет. – Макс, как и все заокеанские жители, не очень-то любил немецкие машины, но других внедорожников не было, а перспектива ждать и искать его совсем не прельщала. День выдался длинный и утомительный, ему хотелось упасть в кресло, взяться за руль и немного поколесить перед сном без навязчивых адвокатов, говорливых таксистов и тому подобного.

– Парня стоимость не очень волнует, – опять тихо напел в ухо администраторше Андрей.

Через пару минут Макс забрал ключи, где-то расписался и пошёл во двор. «Порше», скукожившись от холода, вжался мордой в стену. Макс сел в салон, устроился поудобнее.

– Улыбается, – произнёс Андрей, глядя вслед уходящему партнеру. – Это хорошо.

Затем перевел взгляд на Танечку:

– А ты, Танюш, собирайся, кататься поедем.

Заперев своё заведение, администраторша села в «Рено» к Андрею и сразу же поинтересовалась:

– Андрюсик, а это кто такой вообще?

– Дорогой расскажу, но за «Поршик» свой можешь не переживать, – небрежно бросил адвокат, приняв крайне деловой вид.

Пока «Порше» тарахтел, старательно грея салон, Макс успел разобраться с навигационной системой и найти гостиницу. Выехав с парковки, он сразу направился туда, отказавшись от планов поколесить по городу.

Утро встретило его яркими лучами солнца, залившими весь номер. Макс дождался завтрака, принял душ и сел посмотреть новости в планшете. Заодно почитал информацию о том, как восстанавливать старые дома. Не найдя ничего полезного, он решил позвонить Андрею и поторопить его насчет строителей. Раза с пятого на том конце сонно ответили:

– С добрым... утром...

– Привет! Что со строителями?

– Да я не звонил еще...

– Позвони, сегодня бы и начали.

– Это нет, Макс, это вряд ли. Надо заранее, сразу – нет... не факт, что выйдет... – Андрею явно не хотелось выбирать-

ся из дома и вообще что-либо делать сегодня.

– Хм. А завтра?

– Воскресенье же!?! – Андрей наконец-то проснулся, возможно – от столь кощунственного помысла Макса работать в выходные. – Макс, это Россия. Они сами тебе денег дадут, только чтобы не работать в воскресенье.

– Тогда лучше сам поищу.

– Где? Никто не работает, суббота на дворе, да ещё и солнечно. Не кипятись, сейчас позвоню.

– Давай звони уже, жду ответа! – сказал Макс и повесил трубку. До обеда было полно времени, погода и впрямь стояла отличная, и он решил прогуляться по центру города. Но лишь гостиничный лифт успел спустить его на первый этаж, телефон в кармане начал нетерпеливо вибрировать. Звонил Андрей:

– В общем, шеф, позвонил. Можешь быть спокоен, я их уговорил. Они согласны хоть сейчас. Правда, тут заминочка... у меня машина в ремонте, часов до трёх, я их проводить не смогу. Устроит, если после трёх?

– Да в чём проблема, отправь их к гостинице, сам провожу.

– А дорогу запомнил?

– Не переживай. Не заблужусь!

– Тогда скоро у тебя будут! – Андрей повесил трубку.

Макс пошёл в магазин – закупить себе чего-нибудь съестного на время строительных работ, попутно листая карту Ле-

нинградской области, чтобы ещё раз увериться в знании дороги, по которой они ехали вчера с Андреем.

Спустя некоторое время к гостиничной парковке подкатилась, звонко визгнув тормозами, серая «буханка». Из неё вышел невысокий сухощавый мужчина лет шестидесяти, с художественной тёмной бородкой, в очках с роговой оправой, в жёлтой кепке и совершенно неподходящей под его внешность куртке-спецовке. Он направился в сторону Макса, который не стал возвращаться в номер и ждал на скамейке, чуть поодаль от входа в здание.

– Вы Максим? – уточнил мужчина.

– Да, я. Только не Максим, а Макс, – привычно поправив собеседника, ответил тот, закрепив знакомство рукопожатием. По американским документам он действительно был Максом, и это имя нравилось ему больше.

– Хорошо, Макс, – отдал должное собеседник, – меня зовут Владислав Игнатьевич. Я бригадир строительной фирмы, вас Андрей предупредил?

– Да, звонил.

– Это хорошо. Едем на объект? – Владислав Игнатьевич потёр рука об руку.

– Поехали. Вы со мной поедете? Обсудим ремонт, – Макс жестом пригласил бригадира к «Порше».

– Нет, с бригадой. Дорогой всё равно толком не поговоришь. Сутолока. Тут видеть надо, о чём речь.

– Ясно, тогда за мной!

Макс пошел к «Порше», Владислав Игнатъевич лихо вскочил на пассажирское место «буханки», и их кортеж двинулся к выезду из города.

Глава III

«Вот новый поворот...»

(«Машина времени», 1987 г.)

В солнечном свете лесная усадьба выглядела уже не так зловеще и мрачно. Многое в жизни начинается именно с первого впечатления: романы, мечты, конфликты, неприязни, интересы. Одним словом – отношения. В прошлый раз отношение Макса к дому да и всему участку было во многом определено атмосферой, в которой полуразрушенный особняк смотрелся если не замком Дракулы, то уж точно какой-то декорацией к фильму ужасов. Теперь же, когда солнце поблескивало в уцелевших стеклах, а ветер трепал кудрявые вишни, Макс решил, что домик-то, в общем, неплох. С этими мыслями Макс зашагал в дом по проторенной им же тропе, смело увлекая за собой строителей.

– Вот, собственно, – развёл он руками по сторонам, – нужно просто отремонтировать, покрасить. Ничего глобально изменять не будем, только порядок навести.

– М-да-а-а... – вдумчиво протянул дюжий работяга в сапогах с непонятно зачем взятым с собой ломом. – Штука-турку придется счищать. Тьфу! Это мы попали.

Мужики тихонько загалдели. Владислав Игнатьевич,

культурно перебив ропот сотоварищей, обратился к Макс за уточнениями:

– Макс, каков бюджет этого... кхм... предприятия? – спросил он, – Мне необходимо это знать, чтобы составить смету.

– Буду с вами откровенен. Я в этом деле не разбираюсь и цен местных не знаю, – пояснил Макс. – Поэтому хотел для начала с вами проконсультироваться.

– Сейчас прикинем... Надо конструкции несущие осмотреть, если в них вмешательство не потребуется, будем начинать расчет.

Владислав Игнатьевич достал блокнот в толстой кожаной обложке с белой прострочкой, в которой был встроен калькулятор, а около переплета в желобке располагался карандаш. Много листов этого блокнота уже были исписаны, а обложка имела весьма потрёпанный вид. Макс внимательно посмотрел на органайзер.

– Подарок! – улыбнулся Владислав Игнатьевич. – Племянница подарила, невеста Андрея, благодаря которому мы, собственно, здесь, – уточнил мастер.

В его словах чувствовалась какая-то неоднозначность. Был ли он рад этому заказу или же напротив – понять было решительно невозможно. Рабочие приступили к осмотру здания, Макс также решил пройтись по владениям при свете дня. Спустя некоторое время вышел на крыльцо и сел на ступеньки. Через час к нему вышел Владислав Игнатьевич,

его куртка была испачкана штукатуркой, а кепка присыпана опилками. Он достал папироску, неспешно закурил и сел рядом на ступеньки.

– Итак, резюмируем... – Владислав Игнатьевич достал блокнот, в котором очень неплохо, даже с точки зрения основных правил карандашной графики, был нарисован дом, рядом начерчена его силовая конструкция, а пространство листа вокруг было исписано мелким убористым почерком.

Макс некоторое время смотрел в его блокнот, словно замороженный, а потом восхитился:

– Вам бы художником быть!

– Спасибо. Зачем? Мне моё дело нравится. А так – да, для себя я рисую, конечно, иногда, но не то это всё, не то... Мне дерево ближе.

– Amazing! А можно я у вас картину куплю?

– Обсудим, потом. Так-то, конечно, не возражаю, да, – Владислав Игнатьевич едва уловимо улыбнулся. – А пока – продолжим. Так, Макс, есть две новости, как говорится; правда, обе так себе. Да. Придётся поменять две несущие балки – это долго и дорого. Зато сруб практически весь в отличном состоянии, всего шесть венцов на замену в общей сложности. Обшивку снаружи можно оставить. Пускай, хорошая. Покрасим. А внутри, в комнатах, на ваш выбор: обои, ГВЛ, – чего делаем? Если по ценам, то сейчас я могу, да, но – только приблизительно.

Макс смотрел на бригадира, но видел перед собой про-

фессионала, которому он уже вполне доверял:

– Если надо – будем менять. Считайте.

– Хорошо, Максим... простите, Макс! Есть еще такой момент. Дом тут резьбой украшен. Этой резьбы много. Некоторая её часть уже пришла в негодность. Я, собственно, потому и здесь, что являюсь, прежде всего, реставратором-краснодеревщиком. Если решите восстанавливать резьбу, я бы с удовольствием.

Максу было чрезвычайно интересно увидеть любую работу удивившего его художника, поэтому он без колебаний согласился.

– Дайте мне полчаса, и я накидаю вам смету.

Макс кивнул, и Владислав Игнатьевич удалился к рабочим.

Довольный своим новым увлекательным занятием, Макс подошёл к машине и достал бутылку воды. На свежем воздухе его потянуло в сон. Он не любил бездельничать, но и кидаться с ломом разбирать дом тоже особо не собирался, хотя иной раз руки чесались. Наконец, обойдя усадьбу раза три, он сел в машину и полулёжа расположился в кресле, закрыв глаза. От грёз его отвлёк стук в стекло.

– Макс, смета готова.

Макс вышел из машины, и бригадир начал зачитывать список материалов и работ, после чего огласил итоговую сумму:

– Все ремонтно-восстановительные работы – пятьсот

шестьдесят семь тысяч рублей, это если красить обычной краской, не ставить пластиковых окон... Вы же не будете в этот дом ставить пластиковые окна? – Владислав Игнатьевич поднял на Макса глаза с застывшими в них вопросом и вызовом; немного помолчав, продолжил: – И если делать внутри отделку ДВП и обоями, без мебели. По резьбе цену обговорим отдельно, мне там придётся очень тщательно посмотреть всё, да, на предмет гнили, трещин, сырости.

– Нормально, начинайте, – без колебаний согласился Макс.

– Сегодня-завтра мы ничего созидательного не сделаем, а вот разбирать начнем. А в понедельник уже закупим материалы, привезём. Дорогу бы не развезло... На завтра дожди обещали, а тут лес, «ГАЗель» если не пройдёт, придется машину заказывать.

– Вон, «Поршем» зацепим! – встрял в разговор проходящий рабочий.

– Там автомат, ему нельзя! – послышалось с другой стороны.

– Понакупят... не знай, зачем оно нужно такое! – поддержал третий.

Владислав Игнатьевич обвёл взглядом всех говорунов, занятых кто чем, и кашлянул. Видимо, в бригаде коллектив давно сложился и притёрся, поэтому всем всё сразу стало понятно.

– Да ладно, Игнатич, мы ж так, поразмышлять.

– Не надо философии. Работаем.

И бригада вразвалку, с ощущением собственной силы, направилась к дому. Макс вернулся в свой «Порше», совершенно не приспособленный для перетаскивания «ГАЗелей» по лесным колеям, и включил радио. Время тянулось медленно. Макс набрал номер мамы.

– Привет, сынуль! Как там наследство?

– Всё нормально, мам. Решил дом восстановить...

– Что? Зачем оно тебе надо?

– Думал тебя сюда привезти, ностальгия...

– Нет, я не поеду. Мне и тут хорошо! Тепло, красиво, да и ты там не задерживайся, возвращайся скорее!

– А тебе правда не хочется тут побывать? Это же твоя родина!

– Ах, сын! У меня только грустные воспоминания от этого места. Я буду плакать и расстраиваться. И не потому, что скучаю, а потому, что жизнь там была сложная. Мы не жили вовсе, а выживали... – Макс услышал, как мама всхлипнула, и понял, что тему надо менять.

– Понял! Ладно, продам тут всё и приеду, ждите через месяц! Давай, мам, пока!

По радио ди-джеи что-то весело рассказывали и рекламировали очередной спорттовар от фирмы Макса. Пощелкав станции, он наткнулся на задорную мелодию группы «Машина времени» и, не в силах себя сдержать, стал тихо подпевать Александру Кутикову:

*Вот новый поворот
И мотор ревёт, что он нам несёт —
Пропасть или взлёт, и не разберёшь,
Пока не повернёшь за поворот.*

Песня закончилась, и начались новости. Макс достал смартфон. Интернет ловил плохо, а современный телефон без Интернета – вещь, по большому счету, бесполезная, кроме, разве что, фотокамеры. Вот и он решил реализовать эту замечательную возможность своего аппарата и покинул свой «офис» на колёсах, чтобы сделать несколько снимков дома на память, из серии «таким он был до». Пока он лазил во-круг, приминая разнородную растительность, сверху раздался оглушительный треск и ругань. Заинтересовавшись, Макс вошел в дом и поднялся по лестнице. Рабочие выломали ту самую забитую досками дверь в третий флигель, причём, вместе с косяком. Внутри флигеля особых ценностей обнаружено не было. Стояла пара тумбочек, стеллаж с фарфоровыми статуэтками, письменный стол, под которым лежал ящик, заколоченный досками на манер входной двери – явно чувствовался почерк одного заколачивателя.

– И чего её было так засатаривать? – удивлённо недоумевал детина с ломом. – Чего тут ценного-то!? Барахло какое-то... Фигурки, что ли, берегли?

Макс посмотрел на всё это и махнул рукой:

– Барахло – выбрасывать. А косяки постарайтесь больше

не выламывать, – распорядился он и пошёл вниз по лестнице.

На выходе из дома его догнал Владислав Игнатьевич:

– Макс! Макс, не спешите всё это в «барахло» записывать. Я, конечно, не особо сильный специалист, но тут пара стульев, буфет и шкафчик есть занятный. Начало двадцатого века, с резьбой и с секретом! А если они вам не нужны совсем, то на антикварном аукционе вы себе ремонт если не оправдаете, то издержки хорошенько скостите, да. А если шкафчик отдадите мне, я в обмен всю резьбу здесь восстановлю и платы сверху не попрошу.

– Ничего себе, – удивился Макс. – Вы в этом уверены?

– Что касается мебели – да, уверен. Возможно, и ещё что-то есть. Если интересно, то я в своё время, года два тому назад, как-то сотрудничал с одним специалистом по культурным ценностям. Эксперт, лицензию имеет. Я раму для зеркала восстанавливал, и у меня визитка осталась. Думаю, стоит это показать, да. Мало ли, чего тут ещё найдем. Как? Дам архаровцам команду ничего не выбрасывать, сложить в комнате наверху – в которой стены без штукатурки?

– Да, раз так, пусть складывают. Давайте покажем эксперту. А шкаф берите хоть сегодня! – Максиму было приятно порадовать мастера таким подарком.

– О, спасибо, я сегодня ж его и заберу, да! Спасибо! И вечером созвонюсь с экспертом.

– Позвоните мне, чего эксперт скажет, – Макс протянул

Владиславу Игнатьевичу визитку.

С этой мыслью он пошёл наверх – глянуть, что там ещё есть, а заодно рассмотреть получше так высоко оцененный бригадиром шкафчик. Тем временем в доме кипела работа. Макс поднялся во флигель. Шкафчик и впрямь был интересным – он напоминал некий гибрид буфета и платяного шкафа. Украшенный резьбой, он выглядел очень дорого, хотя лак кое-где облез. В боковых стенках скрывались два секретных отдела, и если бы правый не был открыт, заметить второй было бы практически невозможно. Макс открыл шкафчик. В нём лежали старые газеты, альбом с фотографиями и пара каких-то коробок. Он достал содержимое и одной охапкой перенёс в комнату, куда рабочие стаскивали всё, что могло представлять ценность. Удовлетворенный своей работой, Макс пошёл вниз. По всему первому этажу стояла пыль столбом – с потолка соскребали штукатурку. Макс, прищурившись, выбежал на крыльцо.

Когда стемнело, и бригада погрузилась в «буханку», он махнул им рукой и, вновь пройдясь по дому и оценив работу, также отбыл в свою Питерскую резиденцию.

Утро следующего дня Макс начал со звонка Владиславу Игнатьевичу.

– Алло, Владислав Игнатьевич, вы где?

– Около дома стоим. Как раз звонить собирался. Нам Вас ждать или можно начинать работать дальше?

– Вау! Начинайте. Я выезжаю. Вы с экспертом говорили?

– Да, само собой. Заинтересовал, да, думаю – заинтересовал. Во всяком случае, в понедельник вас готовы принять.

– О'кей! Через пару часов буду! – Макс повесил трубку и ухмыльнулся – все-таки Андрей был неправ, работать здесь умеют.

Когда Макс приехал, работа уже кипела вовсю. Владислав Игнатъевич в одиночку грузил в кузов «ГАЗели» снятые наличники и другие резные доски. Завидев Макса, он оставил погрузку, снял перчатки, поздоровался и рассказал об уже проделанных работах по дому. Макс одобрительно кивнул. Тогда мастер начал объяснять, как и где найти эксперта, что нужно ему говорить и рекомендовал настоять на личном посещении им дома, поскольку предметов собрали много, а времени мало. Макс слушал внимательно и всё усвоил. Затем Владислав Игнатъевич вернулся к своей работе, а владелец антиквариата, удостоверившись, что его присутствие вовсе не обязательно, прошёл наверх, в комнату с подготовленными для эксперта предметами. Там он начал с интересом рассматривать столы, стулья, картины и иные предметы интерьера.

Дойдя до окна, он увидел коробку с надписью «фарфор», которая привлекала его внимание. Открыв её, он почти сразу наткнулся на лежавший сверху до боли знакомый бабушкин кофейник, небрежно завёрнутый в газету. Макс с любопытством ребенка, обнаружившего клад, вытащил свёрток и тут же почувствовал, что по руке скользнула выпавшая из газе-

ты маленькая крышечка. Он попытался поймать её на лету, но у него не вышло, и та коснулась пола. Не услышав звука разлетающихся осколков, Макс моргнул и посмотрел на пол. Крышечка подкатилась к самому порогу комнаты. Выдохнув, он радостно направился за ней, как вдруг в дверь ввалился один из рабочих. Макс замер. Рабочий поставил на пол ящик и тут же вышел. Тихо подойдя к порогу и подняв с пола чудом уцелевшую крышечку, Макс водрузил её на кофейник и с облегчением отнёс его на стол возле окна.

Уже более уверенный в себе, он посмотрел на принесённый ящик, так и стоявший у порога. Макс решил вскрыть его, чтобы потом при эксперте не ударить в грязь лицом, извлекая из него очередную стопку старых газет или свалевшуюся подушку. Он хлопнул ладонью по ящику, поднимая пыль. Ящик был крепким и тяжелым. Чтобы сохранить потенциальную драгоценность, Макс не стал продолжать разрушение ящика голыми руками и пошёл к рабочим – спросить какой-нибудь инструмент.

Обзаведясь гвоздодером, он быстро вскрыл ящик. В ящике лежало устройство, напоминающее патефон или граммофон, но то ли некомплектное, то ли сломанное. Сверху он обнаружил большую медную трубу с прожилками зеленоватых окисей, под ней виднелся деревянный, обтянутый кожей корпус с обитыми медью углами, один из которых был сильно поврежден. Сбоку стояло несколько пластинок, две были треснуты. Макс вдруг вспомнил, как в день их отъезда в

Америку мама и бабушка гонялись за дедом по двору, чтобы отнять у него топор, которым он с чего-то захотел разбить проигрыватель. Потом деда увели наверх, в спальню. Видимо, он успел нанести удар, скорее всего и не один – вряд ли аппарат пострадал так от сырости или падения. Побоявшись причинить большой вред предмету, Макс решил оставить всё, как есть, но на всякий случай позвал Владислава Игнатьевича для консультации.

– Владислав Игнатьевич, как думаете, стоит это показывать эксперту?

Мастер склонился над ящиком и долго смотрел туда. Потом он вынул трубу и стряхнул с неё рукавицей пыль. Изнутри рупор выглядел странно – стенки покрывали какие-то рельефные символы, – не то письмена, похожие на древний арабский язык, не то стилизованный узор. С внешней стороны труба была по большей части гладкой, имелся только небольшой вензель «JMS» и ещё какие-то латинские буквы.

– Не знаю, не специалист я в этих приборах. Но если вам интересно моё мнение, то эту штуку я бы с собой туда, к эксперту прихватил. Для затравочки. Думаю, увидев агрегат, она прискачет сюда вперед вашего «Порше».

– Она? – Макса такой поворот событий быстро вернул из воспоминаний о детстве и прямо таки швырнул в удивительную реальность. Макс не был склонен к сексизму в крайних его проявлениях, но при слове «эксперт» он всегда представлял строгого интеллигента с легкой сединой и с дипломатом.

– Эксперт, то бишь, – Владислав Игнатъевич лукаво улыбнулся уголком рта.

– Он – она? – теперь строгий интеллигент с чемоданом превращался в воображении Макса в такую же серьёзную, даже более чем, суровую даму.

– Ну, хе-е, да. Но это совершенно не меняет дела. Эксперт она отличный. С колоссальным опытом! Может, слышал историю про картину Кустодиева? – кажется, «Одалиска». Её за три миллиона долларов продали, а оказалось – подделка... лет восемь назад, наверное, дело было. А в Иркутске Глазунов висел поддельный – эти разоблачения все – её работа. Ей ваш Сотбис теперь чуть ли не зарплату платит!

– Нет, не слышал. Я с искусством не очень знаком.

– А картину все ж хотите купить? – улыбнулся бригадир.

– Вот и начну знакомиться, – отшутился в ответ Макс.

Следуя совету Владислава Игнатъевича, Макс аккуратно упаковал трубу обратно в ящик, обмёл с него пыль и отнёс в машину.

Глава IV

«Разговор со счастьем».
(Валерий Золотухин, 1973 г.)

Утро понедельника он решил начать с посещения эксперта. Надо отдать должное Владиславу Игнатьевичу, объяснил тот всё прекрасно, даже схему нарисовал, как найти. Хотя не найти это здание нужно было постараться. Огромная пятиэтажка в стиле сталинского классицизма, с толстенными пилонами, высоким крыльцом, облицованным гранитной плиткой, будто специально была поставлена сюда, чтобы прижать ткань мостовых, садов и двориков к земной тверди. Во всяком случае, со стороны выглядело именно так: окружающие кварталы, тротуары, дорожки – всё попиралось молчаливым грузным величием этого строения. Макс поднялся к входу, свободной от ящика рукой потянул дверь на себя. Почти трёхметровая створка поддавалась с сильным сопротивлением и внушительным скрежетом.

«Швейцаром здесь "Скала" Джонсон подрабатывает, – промелькнуло в голове Макса. – Тут так накачаешься...»

За дверью открывался целый мир культуры, доселе непознанный Максом. Он оказался в большом холле, центром которого стала монументальная лестница с лепными перилами и оббитыми плитками на ступенях. Макс огляделся. В

том же стиле небрежной запущенности были решены: стены, с потрескавшейся краской в десяток слоев; плафоны а-ля «модерн», с прилежно покрашенной в цвет потолка ажурной бронзой; пол, хранивший на себе, видимо, отпечатки походки медного всадника, железного человека и конницы Александра Великого. Окинув взглядом всё это угасающее великолепие, Макс глянул на бумажку. Ему нужно было в 404 кабинет.

«"ERROR 404: NOT FOUND". Было бы обидно таскать ящик просто так», – снова пошутил про себя Макс и зашагал к лестнице.

Поднявшись на четвёртый этаж, он увидел темный и длинный – метров сорок, не меньше – коридор, в конце которого мерцала уже отжившая своё лампа дневного света, изредка озаряя пространство розоватыми вспышками. Стены были покрашены тёмно-бежевой краской. На полу уложен уже выдавший виды паркет, кое-где клёпки отсутствовали.

Взяв ящик перед собой, Макс сделал шаг вперёд. Если существует перечень устройств, являющихся охранной сигнализацией с функцией распугивания злоумышленников, то этот паркет заслуживает среди них первое место. С первым же шагом паркет издал ужасающий скрип, и стабильно сохранял интенсивность и частоту звучания в ответ на все последующие попытки вновь на него наступить. Макс сначала пытался пойти тише, потом ближе к одной стене, затем – к другой, но всё было тщетно. Наконец он перестал обращать

на это внимание, и просто пошёл быстрее.

Дойдя до нужной двери с номером «404», Макс задумался: «Там эксперт. И это женщина». Теперь в его голове окончательно сложился образ женщины-эксперта, в основу которого легли все лучшие комедийные образы строгих учительниц, злых волшебниц и высокомерных политиканок. В его представлении за этой дверью расположилась грузная, с трудом переставляющая ноги в попытке переместить вместе с собой весь свой огромный опыт, пожилая и почему-то непременно вредная дама. Воображение Макса никогда не отличалось особой серьёзностью, видимо, поэтому ему так легко удавалось найти возможность и способ зарабатывать миллионы. Он смотрел на мир просто и с юмором. И сейчас он представлял, как эксперт взглянет ему прямо в душу сквозь толстые стекла очков в роговой оправе и скажет противным голосом: «Надо собрать бумаги! Мне нужно больше документов! Нужно просмотреть архивы! Через пять лет я жду вас!» Или же заставит его что-нибудь писать собственной кровью, так как никаких бумаг у него с собой не было.

«Ладно, деваться некуда!» – подытожил про себя Макс. Иметь дело с мужчинами ему казалось более простым и естественным, – не нужно было досконально обдумывать свои фразы, удерживаться в рамках толерантности. Макс, безусловно, был не только спортсменом, в последнее время он всё больше погружался в бизнес и опыт делового общения у него имелся, однако вести переговоры он привык напролом,

по-свойски, что с женщиной ему представлялось затруднительным. Рухнувший на плечи и непомерной тяжестью сковавший свободу общения и здравый смысл плод его воображения способствовал тому, что Макс начал свой визит с чрезвычайно нелепого поступка. Он, не найдя ничего лучше, постучался в дверь ящиком, который держал в руках. Явного ответа не последовало, но за дверью слышались голоса. «Мешаю», – подумал Макс.

Постояв, по его подсчетам – минут сорок, а по мнению «Панераи» на его руке – четыре минуты двадцать пять секунд, Макс повторил стук, теперь уже ногой.

– Да-да-да! – послышалось из-за двери, и Макс, рассудив, что его приглашают войти, шагнул вперед. Он попытался открыть дверь, толкая её ящиком. Дверь слегка выгнулась и с хрустом спружинила. Тогда Макс повторил пародию на подвиг Талалихина – вновь пошёл на таран. Дверь мужественно сопротивлялась и в этот раз. Макс отскочил назад, оценил противника из-за ящика – на двери была поворотная ручка, а петли расположились справа.

– Damn it, f*ск, чего я туплю-то! – выругался он и, высвободив одну руку, повернул ручку и открыл дверь на себя. Затем быстро вошел – удерживать ящик одной рукой было очень неудобно, тот терял равновесие и норовил завалиться. Поэтому мужчина в два больших шага дошел до письменного стола в центре комнаты и практически бросил на него ящик.

Теперь Макс стоял посреди довольно большого кабинета с двумя окнами напротив двери. Через них лился солнечный свет, практически ослепляя его, так что после тёмного коридора приходилось держать глаза какое-то время прищуренными. Но мало-помалу он осмотрелся. Кабинет был вытянутым в длину. Стоявший в центре стол доходил почти до окна. Вокруг стола располагались несколько массивных офисных кресел с кожаной обивкой. Ближе к углу у одного из окон стояла ширма, отгораживающая ещё один столик с какими-то оптическими и химическими приборами, за ширмой в углу виднелась дверь, а прямо рядом с ней на стене висела мойка – как в приёмной у врача. По бокам вдоль стен везде стояли шкафы, но только один имел прозрачные дверцы, остальные – либо зеркальные, либо глухие. Мебель вся была добротная и современная, практически новая, чего точно нельзя было сказать об оконных рамах и обоях на стенах. Самое большое из кресел, тоже кожаное, но не чёрное как все, а приятного коричневого оттенка, стояло развёрнутым к правому окну. Судя по движениям спинки кресла и доносившимся до Макса звукам, в кресле сидел живой человек и говорил по телефону красивым женским голосом. Голос не был похож на тот, который он представлял, стоя за дверью.

«Видимо, секретарша», – рассудил он.

Пока Макс осмысливал увиденное, из-за спинки кресла показалась изящная ручка, которая положила телефонную

трубку на аппарат. Кресло развернулось. В нём с комфортом расположилась миловидная блондинка лет тридцати, одетая в строгое черное платье до колен, на плечи был накинут лёгкий фиолетовый пиджак.

– Зачем вы пытались выломать мою дверь? – спросила «секретарша».

– Э... – Макс стоял, полностью сбитый с толку, ибо теперь, в дополнение к потоку солнечного света, на него полился куда более ослепительный поток красоты и женственности, отчего он растерялся и не успел собрать слова и отправить их на язык. Девушка удивлённо и оценивающе посмотрела на него.

Макс предстал перед ней в образе смущенного бородатого недотёпы в спортивном костюме и грязных кроссовках, за чем-то поставившего на её итальянский стол пыльный ящик.

– Так. Кто вы? – Она явно куда-то торопилась. – Что за странный вид? И что за ящик?

Макс был готов к вопросам о своём виде, но не от такой красавицы. Если бы он знал, что в кабинете эксперта может оказаться подобное создание небесных светил, он бы точно не позволил себе выглядеть подобным доказательством дарвиновской теории. Поэтому Макс вновь не нашёл, что ответить и попытался проглотить своё смущение.

– Молчите? – И девушка тоже замолчала, отчего в воздухе невыносимым грузом повисла тишина.

Макс понял, что дама хоть и симпатичная, но он её жутко

боится. Ещё одна подобная выходка с её стороны, и он убежит из кабинета, как пристыженный хулиган – из класса. От этого чувства ему стало совсем худо, и он стал продумывать план отступления.

«Нафиг дались мне эти аукционы! Так всё выкину!» – думал он.

– Хорошо, так уж и быть, – прервала молчание барышня, – о молчаливый гость! Представлюсь я: Алиса Константиновна Филина, – она протянула Максу руку для знакомства. Макс ответил на рукопожатие. Теперь, когда рука Алисы оказалась в большой и теплой ладони Макса, испугалась она.

«Это будет как ток, электричество. Словно волшебство», – вспомнила она слова героини Мэг Раян из любимого фильма «Неспящие в Сиэтле». Ей срочно понадобилась какая-то опора, чтобы не упасть от щекочущего чувства под сердцем. Она неудачно плюхнулась обратно в кресло и быстро пришла в себя.

– Макс, – представился он.

– А! Это всё, что мне нужно знать? Вы секретный агент? Мистер Смит? – сыпала вопросами девушка. – Или вы в мыслях взвешиваете каждое слово? – продолжала она. – Однако имейте в виду: чем дольше молчите вы, тем больше вопросов у меня, и на них я собираюсь получить ответы.

Макс с опаской посмотрел на безумно разговорчивую «секретаршу», которая имела неловкость угрожать ему.

«Слон и Моська, – вспомнилось ему. – А может, это юмор такой? Надо улыбнуться».

– К чему здесь это произведение деревянного зодчества, этот прекрасный дощатый куб? – Алиса Константиновна указала на ящик, который Макс водрузил на стол. – Сами сколотили?

Макс угрюмо посмотрел на девушку и прищурился. Алиса поджала губы и опустила глаза.

– За юмор, конечно, простите, – извинилась она.

«Что-то со мной не так... Алиса, возьми себя в руки! Это твой плохой день! И он не обязан становится таким по твоей вине у такого красавца! Так делать плохо и ты будешь жалеть об этом!» думала она про себя.

– Вы, наверное, звонили? – продолжала Алиса Константиновна, на этот раз спокойным обходительным тоном. – Как ваше полное имя?..

Макс молчал.

– Да что вы все время молчите! Почему я вынуждена всё время говорить, у меня и так очень тяжелый день, много работы и очень мало времени. Давайте не будем его тратить; если вас прислали за заключением, то я же говорила, что не раньше тридцатого. Хотя, нет, вряд ли вы за заключением... ваше лицо мне подозрительно знакомо, вы не из этих?.. – Она смерила взглядом Макса. – А, нет. Продолжаем разговор, если это можно так назвать! Ну ответьте, наконец, хотя бы на один вопрос, дабы развеять мое недоумение, а то оно

уже достигает критической массы...

Макс набрался мужества и прервал монолог дамы:

– А где эксперт?

Загадка природы: чем сильнее нам нравится человек, тем более глупо мы ведём себя в его присутствии.

– На двери написано «Филина Алиса Константиновна, заместитель начальника департамента оценки предметов искусства и внутреннего аудита музейных фондов» – читали? Или вам всё равно, чьи двери ломать? Я, кстати, представилась сорок секунд тому назад, но представлюсь еще раз: Алиса Константиновна. Из вышесказанного следует что эксперт – это я. Паспорт показывать или доверяете экспертному слову?

– Эксперт? – Макс немного попятился к входной двери и бухнулся в кресло, оказавшееся у него за спиной. – Здравствуйте!

– Оу! Познал то, что свершилось, – сыронизировала Алиса. – Здравствуйте!

Поняв, что от Макса она ровным счетом ничего не добьётся, Алиса Константиновна встала с кресла, оставив пиджак, и продефилировала по кабинету в направлении стола с ящиком. Попутно немного поглядывая на своё отражение в зеркальных дверцах шкафов. Её движения были резковатыми, но при этом грациозными, фигура если не идеальна, то очень близка к таковой. Спину она держала прямо, подбородок – немного задраным. Черты лица были такими же точёными,

как движения: большие синие блестящие глаза, остренький и немного курносый нос, аккуратный подбородочек, высокий лоб, скрывающийся под волной белокурых волос.

Она знала, что вещи могут быть куда более многословны, чем их хозяева. А предметы искусства всегда интересовали её несколько больше, чем люди.

– Макс Крестовский. По поводу вещей. Мне вас Владислав Игнатьевич порекомендовал, – прорвался наружу голос Макса.

– Овидий «О природе вещей». Крестовский «По поводу вещей», – безучастно сказала Алиса Константиновна. – Да, припоминаю. Но я вообще-то не ждала вас так рано.

Макс выдохнул и приготовился начать свою речь. Алиса опять прервала его порыв:

– Вам дед оставил в наследство дом. Здесь, где-то под Питером. Скорее всего, вы решили его продать, потому как, судя по вашему легкому акценту и фэшн-луку, проживаете явно не в России. Дом наверняка требовал ремонта – начали работы, в ходе которых... – Тут она подняла крышку ящика и запнулась, потом продолжила: – В ходе которых были обнаружены разные вещи.

Макс тем временем пребывал в состоянии умственного паралича. Вначале сказать что-либо было невозможно – Алиса заполняла всё временное пространство словами, а теперь говорить что-либо было незачем, потому что про него здесь всё знают. Но тут, однако, он почувствовал, что просто

обязан как деловой человек, как личность и, в конце концов, как мужчина взять инициативу в свои руки. Или хотя бы попытаться.

– Нашёл. И честно говоря, всё выбросить хотел. Владислав Игнатьевич сказал, что старинного много, и может, что-то из этого имеет смысл выставить на аукцион.

– Логично, – продолжала Алиса Константиновна, – а в ящике, скорее всего, какая-то часть вашего антиквариата мне для примера.

– Да, – протянул Макс и подошел к столу.

Алиса, подняв одну бровь, наблюдала за процессом, попутно вспоминая, где же она могла видеть этого человека раньше. Но главное, что ее занимало: это старательная попытка скрыть любопытство, терзавшее её с самого начала – ей было безумно интересно, что в самом деле хранит в себе ящик. То, что там что-то ценное она уже чувствовала.

Алиса Константиновна наспех натянула белые перчатки и выхватила из ящика резонаторную трубу. Быстро осмотрела её, положила рядом на стол, тут же вытащила все пластинки, разложила их по всей длине своего стола как тарелки на званом ужине, затем попыталась вытащить сам граммофон. Тут вмешался Макс:

– Позвольте. – Он вынул из ящика аппарат и хотел поставить на стол.

– Оу, нет. Нет-нет-нет, давайте его сюда! – Алиса Константиновна бросилась к своей импровизированной лабора-

тории за ширмой, чтобы расчистить место.

Когда граммофон был размещен на исследовательском столике, она углубилась в изучение.

Макс постоял, потом походил по кабинету и, в конце концов, остановился у окна. Из него открывался прекрасный вид на город и парк, в котором студенты напевали под гитару:

Счастье вдруг в тишине постучало в двери.

Неужели ты ко мне? Верю и не верю!

Падал снег, плыл рассвет, осень моросила.

Столько зим, столько лет где тебя носило?

За созерцанием окрестностей он провёл несколько минут, совершенно ни о чём не думая. Тибетские мудрецы тратят годы, чтобы освоить медитативные практики, позволяющие очистить сознание от всех мыслей, а некоторые люди обладают врожденным талантом, и в основном эти люди – мужчины. Это отнюдь не говорит о неспособности мыслить, а скорее свидетельствует о том, что человек не думает попусту.

Развернувшись, он увидел мусорную корзину, что стояла возле стола Алисы. Из неё торчал букет свежих роз. «Им явно кого-то избивали», – подумалось Максу. Он представил, как к его экспертше заваливается какой-то наглец с розами и непристойными предложениями и она, само олицетворение справедливости и добродетели, прогоняет нахала, а букет выкидывает в эту корзину. Теперь ему стало ясно, что

могло пробудить в столь милом создании такого монстра. Макс смягчился. Ему захотелось впредь оберегать эту девушку от подобных ударов судьбы.

За ширмой раздалось кряхтение и прервало воображение Макса. Видимо, Алиса Константиновна пыталась перевернуть объект исследования.

Макс поспешил помочь:

– Разрешите...

Алиса вздрогнула и издала сдавленный визг.

– И-и... Вы ещё здесь? Напугали!

– А где мне быть? Граммофон мой у вас. И вы мне ничего не сказали. Стою вот, жду.

Макс перевернул граммофон.

– Аккуратнее, не кладите его – привод погнется... иглу придержите... да, вот так, – командовала Алиса Константиновна. – Всё. Отлично. Начнём. Вы же его подержите так, пока я смотрю?

Она подняла свои большие синие глаза на Макса. Отказать им Макс не смог. Будь в вас хоть капля мужского начала, отказать таким глазам не удастся ни при каких обстоятельствах. Если бы налоговые инспектора были оборудованы таким взглядом, недоимок в этой сфере практически не было бы.

– Да, мне не трудно, – слукавил Макс. Держать несколько минут на руках неудобную квадратную шкатулку весом в дюжину кило довольно утомительно даже для физически

развитого человека.

Теперь они с Максом были заняты одним делом. Алиса продолжала осмотр граммофона. Макс начал осмотр Алисы. Особых деталей он для себя не отмечал, ограничился лишь общим выводом, подтвердившим его первое впечатление – Алиса Константиновна ему безоговорочно нравилась. Она также кинула пару взглядов на Макса и отметила для себя, что сплеховала, приняв его поначалу за курьера – костюм на нём был хорошей и дорогой фирмы, часы на руке – швейцарские, к тому же ей не давало покоя чувство, что она его где-то видела.

Тут зазвонил телефон. Алиса сняла трубку, не дожидаясь ответа, буркнула в неё «Перезвоните через час, я занята» и вернулась к осмотру граммофона.

Когда же осмотр был окончен, и Макс смог наконец-то снять статическую нагрузку с мышц и поставить граммофон, Алиса Константиновна переменилась в лице, словно ощутила внезапную головную боль или резкий упадок сил.

Она медленно подошла к креслу, спокойно села. Посмотрев на Макса, размахивающего затекшими руками, Алиса перевела взгляд на настенные часы. Еще пару минут она оставалась молчалива и неподвижна, а потом совершенно неожиданно для Макса, да и для себя самой, спросила:

– Чаю хотите?

– Хочу, – ответил Макс тоном, в котором чувствовались, что вопрос был явно излишним.

Алиса заварила две чашки чая, поставила одну на стол перед Максом, с другой сама села в кресло.

– Вы садитесь, что стоите-то.

Макс придвинул одно из кресел к столу и сел, повернувшись лицом к Алисе Константиновне. Алиса же смотрела в одну точку где-то за горизонтом, практически не моргая, и о чём-то напряженно думала. Макс поймал себя на мысли, что молчит она непривычно долго, и решил нарушить тишину первым:

– Совсем барахло, да?

Алису этот вопрос как будто вернул из забытья. Она тут же встрепенулась, отпила чай, и начала говорить:

– Нет, что вы! Прекрасная вещь... я удивлена, что в доме ваших родителей есть такой потрясающий предмет! Хотелось бы взглянуть на остальное. Этот аппарат, – Алиса кивнула в сторону лаборатории, – как минимум начала двадцатого века. Вы, наверное, хотите знать: целесообразно ли его продать? Ответ таков: однозначно стоит! – «И желательно – мне!» – продолжив мысленно, Алиса пустилась в объяснения: – Чтобы сказать реальную ценность, его нужно исследовать подробнее, в оборудованной лаборатории, разобрать, осмотреть механизм. К тому же, он поврежден. Нужна хорошая реставрация. Корпус разбит, и я не рискнула запускать механизм, пусть для начала его посмотрит специалист. Я бы просила вас оставить пока граммофон у меня, для этих целей, если вы, конечно, не против. Думаю, пары недель хва-

тит, чтобы исследовать его. У меня есть специалист, он поработает с механизмом. Если он работоспособен, можно будет говорить о сохранности граммофона как функционирующего предмета и о целесообразности восстановления.

– То есть, вещь ценная? – подытожил Макс.

– Безусловно! Вам повезло. Возможно, после реставрации удастся продать его с аукциона тысяч за пятьдесят, шестьдесят, а может, и большее... – Тут Алиса остановилась. Словно хотела добавить что-то ещё, но передумала. Она мило и кротко улыбнулась, подытожив свои размышления.

Макс оживился. Ведь в доме оставалось полным-полно предметов старины, куда лучше сохранившихся и куда более изысканных, чем этот полуразбитый граммофон. Учítывая, что один только он мог окупить почти четверть ремонта, можно было надеяться, что поездка в Россию окажется не только интересным развлечением, но и выгодным предприятием.

– Неплохо! Знаете, у меня ещё много всего старинного: мебель, фарфор – в основном всё целое. Я хочу попросить вас взглянуть на это. Всё сюда везти никак не выйдет.

– Ни в коем случае! Не надо сюда больше ничего везти! Я взгляну, конечно. Договор экспертной оценки заключать будем?

– Если положено, то давайте... я, в принципе, и так вам верю.

– Для аукциона нужно будет заключение. Письменное.

Без договора я вам не смогу его выдать. Так что я вам сейчас напишу, в какой кабинет и какие бумаги нужно представить. В следующий раз, когда придете за граммофоном, зайдете и туда.

– И когда же я вновь увижу вас? – к Макс у возвращалось его умение общаться.

– В смысле? – Алиса почувствовала, как на её щеки пытается выползти легкий румянец, но немислимым усилием воли сдержала его. – А, вы про граммофон. Давайте так... сегодня у нас какое? Пятое? У меня есть срочные дела в Париже на пару, может, тройку недель. Давайте двадцать шестого числа созвонимся. Думаю, результат уже будет.

– Телефончик ваш можно? – обрадовался Макс: экспертша зацепила его, и он не хотел упускать ни единого повода.

– Вы мне оставьте свой, я позвоню, когда у меня будут результаты.

Макс угрюмо протянул свою визитку. Алиса отдала листок с памяткой о документах, нужных для договора.

– А когда можете посмотреть на остальные вещи? – Макс хотел найти ещё какой-нибудь важный предлог для общения, причём, как можно более скорого.

– Договор заключим и посмотрю. Вы не переживайте.

– Что ж, до свидания! До договора! – произнес Макс и, широко улыбаясь, зашагал к двери.

– До свидания, до свидания! – На прощание Алиса тоже попыталась улыбнуться, однако вышло у неё это не особенно

хорошо.

Макс захлопнул дверь и бодро пошёл по коридору. Чем дальше звучали его шаги, тем хуже себя чувствовала Алиса.

«Девять лет я работаю искусствоведом... шесть – экспертом. Я Алиса Филина... Это мое Имя и моя репутация! – Алиса уронила лицо в ладони. – Девять лет я боролась с ложью, с подделками, с фальшивыми ценниками – мне платили за правду! Я на этом сделала свое имя. Ну почему нельзя хотя бы один раз... разочек, маленький разочек сказать чуть-чуть неправду? Нельзя так! Нет! Я сама превратилась в то, с чем боролась. Надо было сказать парню всё, как есть. Но он бы наверняка убежал с этим граммофоном. Потом уговорю его. Скажу, что исследования показали. Признаюсь... хотя я и сама до конца не уверена. Починить бы его... А вдруг когда признаюсь, он его заберет... нет! Не отдам! Дело уже сделано, надо идти дальше. Ал иска, ну-ка возьми себя в руки! Ты служишь искусству! Отдала б граммофон – он уплыл бы в руки бестолкового коллекционера! Хорошо, что вообще не выбросили! А мне его не хватало. У нас в России – это мой единственный шанс. Стать не просто экспертом. Не детективом в мире искусства, а первооткрывателем! Не критиковать и разоблачать, а представить неразоблачимое!!! Да!»

С этими мыслями она схватила сотовый и вышла в коридор, громко подавляя каблуками всякое сопротивление паркета. Попадись ей сейчас монгольское иго – она и его бы втоптала в этот паркет, неудержимая в своей решительности.

В коридоре она дошла до самого конца, где было окно, выходящее во двор-колодец. У окна набрала номер, а когда там сняли трубку, сказала только:

– Иван Михайлович, вы не представляете, что я нашла!..

Глава V

«То ли в прошлом его лик, а то ли в будущем...»

(А. Розенбаум, 1987 г.)

Но и этих немногих слов Ивану Михайловичу хватило, чтобы всё понять. Он давно уже работал с Алисой, и знал её не первый год и как эксперта, и как человека:

– Вези, чего ещё скажешь тут, – ответил он и прилежно надавил указательным пальцем на красненькую трубочку своего мобильного, как это делает большинство пожилых людей. Затем снял очки и аккуратно убрал в кожаный чехол. Положив телефон и очки на тумбочку, Иван Михайлович вышел на крыльцо, где лежала мохнатая черномордая дворняга. Завидев хозяина, она вскочила и начала радостно вытанцовывать вокруг его ног. Во дворе под навесом стоял, покрытый сбоку дождевыми каплями, оранжевый «четыре-ста двенадцатый» «Москвич». Тропинка до калитки совсем размокла, и старик взялся укладывать дощатый тротуар до крыльца с мыслями о том, что Алисе не пристало ходить по деревенской грязи.

Несмотря на то, что они сотрудничали уже очень много и очень давно, Алиса приезжала к нему всего два раза. Обычно он сам подкатывал на своем чудо-«Москвиче» к инсти-

туту, в здании которого находился её департамент. Для него каждый её приезд был событием особенным. Во-первых, если она едет сама, значит не может ждать, а следовательно – везёт что-то действительно ценное. А во-вторых, гости – это довольно отрадно для человека, привыкшего к размеренной деревенской жизни.

Сам Иван Михайлович представлял собой человека-загадку с золотыми руками. Несмотря на свои семьдесят лет, он был в прекрасной форме. Крепкий и коренастый мужчина с большими хватистыми руками. Он всегда держался прямо и с достоинством. Его возраст выдавала шёлковая седина на висках и припорошенная белым борода. Иван Михайлович был похож на европейского мужчину, возможно, с немецкими корнями. Алисе так и не удалось узнать, откуда его род и как он оказался жителем деревни. На её вопросы он отмахивался и говорил: «Будет время – расскажу». Алиса с нетерпением ожидала этого рассказа, ведь за годы сотрудничества мастер стал ей практически родным человеком.

Живности у Ивана Михайловича, кроме кур и любимой собаки, не было, огородик скорее напоминал сад, и конечно, классическим крестьянином назвать его было трудно. Но тишина и неспешный ход событий вокруг не прошли для него бесследно. Иван Михайлович жил неторопливо, но основательно. Всё в его небольшом дворе было сделано не только качественно и красиво, но и по-своему гениально. Его инженерную мысль по достоинству оценили бы механики практи-

чески всех предприятий, где выпускается то, что имеет в своём составе хоть какие-то движущиеся детали, шестеренки, кулисы, двигатели и тому подобное. В дом им был проведен водопровод, двигатель насоса которого работал на дровах: они сжигались в специальных камерах для добычи газа, – такие установки пытались ставить на грузовые автомобили в послевоенном Союзе. Тепло и дым от сгораемых дров крутили турбину и вырабатывали электричество для подсветки двора, а в крыше дома с южной стороны были встроены также собственноручно изготовленные солнечные водонагреватели.

Везде – в сарае, в удобствах, в каждой комнате его небольшого дома были развешены часы. С кукушкой, с боем, с барометром, с указанием фаз луны и различными всевозможными функциями, естественно, тоже его разработки и изготовления. Часами он всегда гордился более всего. Доподлинно не известно, но кто-то где-то говорил, что Иван Михайлович работал на часовом заводе инженером-конструктором.

В центре инновационной инфраструктуры его двора, прямо за деревянным домом, была выстроена капитальная каменная мастерская, где Иван Михайлович претворял все свои идеи в жизнь. Там же он занимался реставрацией предметов, переданных в его умелые руки Алисой.

Как ни странно, Иван Михайлович, при всей его конструкторской мысли и незаурядных инженерных способностях, никаких дипломов и сертификатов не имел. Но Алису

это никогда не смущало. На своем личном примере она знала, что никакое образование не в силах дать того, что даёт человеку осознанное им призвание. Её саму родители, видя в ней серьезный интеллектуальный потенциал, пытались подтолкнуть то по стопам папы – в юридическую науку, то по маминой стезе – в царство чисел и физических законов. Она даже проучилась год на юридическом, после чего со скандалом бросила и ушла в искусствоведы. Помня об этом, она искала себе реставраторов не в специализированных ателье и мастерских, а на ярмарках ремесел, по окрестным деревням, церквям, отдавая предпочтение умениям, а не количеству бумажек в портфолио.

Любимым её специалистом был Иван Михайлович. Он мог вернуть к жизни любой механизм, восстановить любой материал, а собранная им мастерская имела оборудование, достаточное, чтобы воссоздать практически любой класс точности обработки металлов. И хотя с механизмами она работала не так часто, как с картинами, скульптурой или резьбой по дереву, обращалась она к нему нередко. Были случаи, когда он брался восстанавливать фарфор или скульптуры из меди и бронзы; дипломированные специалисты или художники отказывались, а он восстанавливал. В случае с граммофоном она ни секунды не колебалась, прежде чем набрать номер Ивана Михайловича.

– Через два часа прилетит, – подумал вслух Иван Михайлович и достал из шкафа старомодный клетчатый ко-

стюм-тройку и лакированные полуботинки, на манер тех, что носили бургеры в довоенной Германии. Переодевшись, он заварил чай из заготовленной в сенях душицы, налил мёд в ажурную стеклянную вазочку, достал из шкафа любимую трубку и стал набивать в неё табак.

Примерно в то же время Алиса тщетно пыталась погрузить граммофон обратно в ящик. Наконец, при помощи двух изъятых ею из коридора третьего этажа студентов, ей удалось сделать это, а также водрузить ящик в багажник ее «Ауди Q4». И она, пролетев пару раз почти на красный, умчалась из города.

Как и рассчитывал механик-любитель, по прошествии двух часов, чавкая колёсами по глинистой размытой проселочной дороге, к дому Ивана Михайловича подползла грязно-синяя машина Алисы.

Дощатый трап был давно готов не только во дворе, но и за калиткой, вплоть до лужайки, чтобы Алиса смогла выйти из машины, не утонув в плодородном слое размокшей почвы. Алиса открыла дверь и шагнула на траву. Каблук её сапога моментально погрузился в землю.

– Алиса! Здравствуй! Ты вот сюда скорее иди, у меня тут настил имеется твердый, вот... – Иван Михайлович проводил Алису на свой импровизированный тротуар, аккуратно, как хрустальную статуэтку поддерживая девушку под локоть.

– Ой, спасибо. Всегда у вас всё на высшем уровне! –

улыбнулась Алиса. – Только подождите, у меня в багажнике ящик...

– Я достану, ты только на кнопку щелкни, чтоб багажник разверзся!

– Он тяжелый, Иван Михайлович!

– И чего? Чай мужик я или где?

– Иван Михайлович, возраст ведь! – попыталась проявить участие Алиса, но багажник открыла.

– Вот ты молодая, и как у тебя его вышло сюда закинуть? Нет! Вижу ведь, что пацаны ставили: во-первых, стоит криво. Ты бы так ни за что не оставила, будь у тебя сила хоть сдвинуть его. А во-вторых, если б его мужики грузили – дальше б закинули, чтобы ось нагрузить. А тут пацанва... кинули – ай да и ладно! Стюденты, небось? – Иван Михайлович подмигнул.

Алиса в ответ только улыбнулась и покачала головой, а Иван Михайлович, крепко схватив ящик, пошёл следом. У калитки он обогнал гостью, поставил ящик на землю и открыл дверь:

– Прошу, пани!

Однако Алиса тут же напугано кинулась к ящику:

– Ай! Промокнет! Дождь же!

– Да не бойсь, высушим! – засмеялся галантный механик.

– А Фрида у вас здесь?

– Тут-тут, заждалась тебя уже, вон бежит, пальто береги!

Из глубины двора выбежала радостная дворняга и кину-

лась навстречу гостям, размахивая мокрым хвостом. Алиса поспешила на крыльцо, чтобы прикрыться входной дощатой дверью сеней от грязных лап радостной Фриды. Потрепав собаку по голове, почесав за ушком, Алиса и Иван Михайлович прошли в дом, где механик тут же усадил гостью за стол и стал настойчиво потчевать чаем и расспрашивать о жизни в Петербурге. Алисе же не терпелось показать привезённый артефакт.

– Ну взгляните же, наконец, на содержимое ящика! Иван Михалыч!

– Да посмотрю, успеется ещё. Ты его скоро забирать думаешь?

– Недели через две-три.

– Тем более. Нагляжусь ещё на него. Ты лучше про себя расскажи, а?

– Я ни о чём не могу сейчас больше думать. И говорить. К тому же это, – Алиса указала на ящик, – и есть я. Я думаю, что это наш шанс. И мой, и Ваш. Я надеюсь, что это поможет нам открыть свою фирму и магазин, как мы мечтали! И заниматься чем хотим, не отвлекаясь на дела музея и института.

– Ох ты! Тогда и впрямь надо глянуть, – с этими словами Иван Михайлович подошел к ящику.

Открыв крышку, мастер ощутил невидимый глазу сильный удар по плечам, ноги стали ватными, а на лбу выступили капли холодного пота. Не в силах устоять, он мягко, на-

сколько это было возможно, опустился на колени и охнул.

– Что с вами? – крикнула Алиса и подбежала к механику.

– Ой, да ничего, нормально все. Пошатнуло что-то. Давление скачет, наверное...

Иван Михайлович, закрыв рот рукой, на мгновение погрузился в раздумья. Затем, вытерев пот со лба и хлопнув по коленкам, вперевалку поднялся на ноги. Алиса помогала, как могла. Старик встал и прошёл к буфету. Открыв дверцу, он снял с полки флягу и сел за стол.

– Что это? – спросила Алиса, она сильно переживала.

– Лекарство, – ответил старик и капнул пару капель из фляги себе в чай. – Да ты не переживай, отпустило уже.

Иван Михайлович посидел минут пять, допил свой чай. Алиса тем временем достала из ящика трубу и пластинки. Вернувшись от своих мыслей к их делу, он спросил:

– А чего это такое-то?

– Иван Михайлович, это граммофон!

– Что-то он уж больно разбитый... Он же не играет? – спросил старик и уставился на Алису. Девушка недовольно замотала головой: «нет».

– И вряд ли будет... – словно выдохнув, продолжил механик.

– Даже механизм не осмотрели, неужели всё так плохо? – удивилась Алиса. – Вам нездоровится?

– Полегчало. Дал Бог силы. Сейчас гляну аппарат.

Он извлек из ящика граммофон. Алиса радостно порхала

вокруг и восторженно излагала всю суть дела.

– Иван Михайлович! Я не большой специалист в механике и технологиях, но мой опыт в оценке и материалах говорит мне следующее: этот аппарат – не обычный граммофон. На нём нет ни заводских клейм, ни эмблем, ни номера. Его отделка совершенно не характерна для промышленности начала двадцатого века и для конца девятнадцатого века. Она вообще не промышленная! Изготавливать держатель иглы из слоновой кости, делать такую отделку, – вот, взгляните! – таким образом всё это комплектовать! Это же экономически нецелесообразно! Такую комплектацию, в таких материалах невозможно стабилизировать, стандартизировать. Это явно штучный товар, изготовленный мастером.

Тут Алиса сделала перерыв, чтобы отдышаться. Иван Михайлович сел на стул и всё смотрел на граммофон. С каждым словом Алисы он всё глубже погружался в свои мысли.

– Знаете, что я ещё тут нашла?! Тут какие-то странные вставки на концах осей в механизме, как в оправках. И ещё: корпус из красного дерева, обтянут кожей, причем – не телячьей. Что за кожа, я пока не знаю. А под деревянным корпусом – совершенно невероятная вещь: литая станина. Чугунная. Я не знаю, зачем, но это из-за неё он такой тяжелый. И вот, судя по литью – оно кустарное. Корпус треснул, я кусочек отломила, вы уж простите. Радиоизотопный метод показал, что граммофону всего шестьдесят лет! Шестьдесят лет?! Это странно. Но видимо, образец неудачный был.

– А что странного? Собрал кто-то граммофон из трофейных частей, рукастый парень.

– Иван Михайлович, вы сами-то в это верите? – удивилась Алиса, гладившая детали граммофона. – Я попрошу вас осмотреть, оценить, проанализировать механизм и, если возможно, восстановить его. Я сама не решилась его запускать, вдруг бы...

– И правильно! – перебил он Алису. – Мало ли чего! Заржавлено всё, ещё бы стружка какая в глаз вылетела!

– Вдруг бы навредила механике, – продолжала Алиса. – Посмотрите его, пожалуйста! И самое главное: скажу сразу, по совокупности признаков я считаю, что этот граммофон – это прототип, изготовленный каким-то изобретателем в середине XIX века до патента Эдисона, до фонографа Кро и аппарата Берлинера! Задолго. Поэтому... поэтому и прошу Вас: вложите в него все свои знания. Если он заработает, ему вообще цены не будет. Ему и сейчас её нет! Это же открытие! Это влияет на ход истории! Пожалуйста... – Алиса сложила ладони в молящий жест.

Иван Михайлович окончательно погрузился. Он сидел за столом, подперев голову руками. Его морщины стали глубже, а взгляд приобрел остроту. Он уже увидел эти «странные вставки на концах осей в механизме, как в оправках» – парашютные противоударные балансиры. Подшипники на натуральных рубинах, как это делают в хронометрах, начиная с Аврахама Луи Бреге. Иглу из такого же рубина. Увидел

ручную шлифовку шестерен наждачной бумагой – мелкая сетка следов шлифования была круговой и хаотичной, что нехарактерно для машинной обработки. Обточенные вручную эвольвентные зубья шестерен. Винты с клеймом, – такой же вензель был на трубе граммофона. Заметил, что сначала устройство собрали с внутренней трубой, а только потом переделали на внешнюю. И много чего еще. Тяжело вздохнув, он ответил:

– Ясно... Жаль. Вряд ли механизм спасти можно. Если только заменить... Понятно, да, открытие. Я постараюсь. Мне время нужно... – Затем, после длинной паузы, продолжил: – Алиса, а где ты его взяла?

Алиса рассказала ему про парня, поделилась своими мыслями по поводу того, что её мучает факт утаивания сведений от клиента, но что ещё больше она переживала за граммофон.

Иван Михайлович немного повеселел, спросил, как зовут парня.

– Макс, – ответила Алиса, улыбнувшись. – Фамилию не помню.

– Да ну? – Старик отошёл от тяжкого груза ответственности, взваленного на него Алисой, поджёг трубку и расхохотался. – Не помнишь? И улыбаешься! Понравился он тебе, что ли?

Алиса немного покраснела и многозначительно посмотрела на собеседника.

– Иван Михайлович, да ладно вам, видели б его! Спортсмен, недотёпа какой-то... в костюме спортивном ко мне за-
явился! И в белых кроссовках, как попугай. Слова из него
не вытянешь – то ли потому, что американец, то ли потому,
что говорить не умеет... неуклюжий какой-то...

– Многовато нашла недостатков для равнодушного отно-
шения. А спортсменов неуклюжих не бывает... Значит, и ты
ему тоже... А каким он спортом занимается?

– Что я ему тоже!? Иван Михайлович, давайте не будем, –
возмущенно отрезала Алиса. – Откуда я знаю – каким!

– Ладно, не кипятись.

– Извините. Я просто что-то... мне ехать пора. У меня
самолет через пару часов. Можно вас попросить до трассы
меня проводить на своем чудо-«Москвиче», а то как сюда
доехала – я и сама не знаю.

– Это ты меня прости, лезу всё, куда не зовут. Мы, ста-
рики, такие... Провожу, конечно. Только не на «Москвиче»,
для таких целей у меня кое-что получше припасено.

Когда они вышли из дома, Иван Михайлович направил-
ся к мастерской, а Алиса вернулась по дощатому тротуа-
ру в свою «Ауди». Пока она запускала двигатель, пристёги-
вала ремень, думала о своём, из ворот со двора выкатился
ярко-зелёный пикап, сделанный из «ГАЗ-69» и «УАЗа», на
злой зубастой резине от трактора. Иван Михайлович остано-
вился, лихо спрыгнул с подножки, закрыл ворота, подбежал
к машине Алисы и похвастал:

– Позавчера собирать закончил, глянь – зверь какой!

Алиса в очередной раз удивилась, как ему удастся делать красивые и функциональные вещи.

– Давайте сразу меня к нему прицепим, всё равно ведь застряну, – резонно предложила Алиса.

Иван Михайлович размотал трос, прицепил к «Ауди» и потихоньку поволок её в направлении трассы. Дорогой он размышлял, как же быть с граммофоном – восстанавливать этот механизм или собрать новый. Рассказать ли Алисе о своих мыслях по поводу всего этого аппарата, или просто молча выполнить свою работу.

Алиса дорогой тоже не теряла времени – обдумывала, почему Иван Михайлович так огорчился граммофону, неужели его действительно невозможно восстановить. Или она так накрутила старика, пытаясь показать, какая огромная ответственность ложится на них... точнее, на него. Да и может, она правда Максиму понравилась – то-то он такой странный был...

Глава VI

«Pardonne moi ce caprice d'enfant...»²

(Mireille Mathieu, 1946 г.)

– Алло! Андрей? – кричал в трубку Макс. На том конце слышались какие-то хрипы, шумы. – Да что за связь, damn it all!

С пятого раза звук стал различим, и Макс, наконец, услышал Андрея.

– Алло, да, Макс, здравствуй. Как дела с домом? Всё хорошо, всё нормально? Я как раз сам уже хотел поинтересоваться...

– К чёрту дом! – прервал его Макс. – У тебя есть возможность узнать, когда и зачем человек летит в Париж?!

– Макс, я же не полиция, не ФСБ, – замялся адвокат.

– Срочно надо! У тебя по любому контакты есть!

– Так-то есть... само собой, – не без доли самодовольства подтвердил Андрей. – Только это информация такая, что получить её будет трудно...

– Найди способ! Мне прямо сейчас надо! – Макс был резок и настойчив.

² «Прости мне этот детский каприз» – перевод с фр.

– Ладно, должен будешь... – Андрей искренне порадовался, что сможет оказать Максиму действительно важную услугу, отчего голос его наполнился плохо скрываемой радостью.

– О'кей, буду-буду, найди только! – Макс, судя по тону, был готов на любые условия.

– Говори давай, кого там тебе пробить надо?

– Филина Алиса Константиновна, летит сегодня в Париж. Вечером.

Макс положил трубку и завёл мотор. Нужно было вернуть «Порше» в прокат и брать такси до аэропорта. Это, конечно, в том случае, если Андрей не подведёт. «Порше» он вернул без хлопот и, уже выходя из офиса компании, где арендовал его, ощутил в кармане телефонный звонок. Макс снял трубку.

– Да, Андрей, слушаю.

– Летит твоя Алиса Константиновна в восемнадцать часов тридцать минут престижной компанией, правда, в экономе. Цель узнать не удалось, извини уж, экстрасенсов знакомых нет. Прилетит она туда в час сорок пять.

– Отлично, thanks! Молодчина! – Макс не стал дожидаться ответа Андрея, положил трубку и сунул аппарат в карман.

Куда она летит, Макс догадывался и сам. Он уже перерыл всю Сеть и обнаружил, что в этот период в Париже открывается выставка Пикассо, проходит осенняя ярмарка, и выставка современного искусства в Большом Дворце. Что это и где это он не знал, но понимал, что Алису надо искать имен-

но там. Дорогу до аэропорта в такси Макс с удовольствием проспал на заднем сидении.

Непривычное после Питера тепло и мелкая морось ожидали его в Париже. Даже ночью было около пятнадцати градусов выше нуля, а с восходом солнца дождь прекратился, и воздух разогрелся до всех двадцати. За три часа Макс устроился в гостинице, заказал завтрак и начал обдумывать план действий. Первое, что он решил – взять напрокат машину. Быть без колес для него означало не быть вовсе. Благо, в Париже сделать это было гораздо проще. К тому же требования его к транспорту здесь были принципиально иными. Машина нужна была неприметная.

– Хорошо, сойдёт и так. Никто же не узнает... – успокаивал себя Макс, владелец громадного «Хаммера», быстрого «Мустанга» и раритетной «Импалы», сжимая руль ярко-жёлтого трёхдверного «Пежо».

Теперь перед ним стоял вопрос: как найти Алису. Для себя Макс решил очень просто – он выяснит, в каком она остановилась отеле. А там посмотрим.

Обзвонить все отели и престижные гостиницы Парижа было делом трудным и долгим. Но результатов это не дало. Алиса нигде не регистрировалась. Макса это не остановило, а, скорее, раззадорило. Он решил посетить все мероприятия, куда она могла бы пойти. Чтобы попасть туда, ему нужно было решить проблему маскировки, то есть сменить спортивный костюм на что-то подходящее для посещения выставок

и церемоний их открытия. Недолго думая, Макс ввел в строку поиска на смартфоне «Париж мужчины мода» и, пролистнув несколько страниц результатов, нахмурил брови и подошел к окну, чтобы взглянуть на прохожих.

– Да ладно...

Однако мода есть мода, ей нужно отдавать дань. Максу в тот момент показалось, что отдавать дань татаро-монгольским ханам было проще, чем моде. Но он был готов на это, ведь ему нужно слиться с местным населением. Для этого он отправился пройтись по городу в надежде обнаружить подходящий магазин мужской одежды. Судьба была к нему благосклонна, и вскоре он нашел полностью подходящий бутик. То есть там, во-первых, продавали, во-вторых, одежду, в-третьих – мужскую.

Судьба вообще – вещь интересная. Бывает так, что люди, которые находятся в соседних дворах, а то и вообще живут в одном подъезде, могут не встречаться годами. Их жизнь как будто проходит в разных параллельных пространственно-временных континуумах. А в других случаях человек преодолевает тысячи километров, а потом в чужом городе случайно наступает на ногу своему школьному учителю. Возможно, человек сам притягивает к себе встречи и не встречи, неосознанно являясь и причиной, и следствием своих мыслей и желаний. Сила мысли – великая сила. Нашим желаниям свойственно сбываться, а уверенность ведёт к свершениям. Макс был уверен, что найдет Алису. Но вы-

шло иначе.

Примеряя перед зеркалом очередной предмет высокой моды, Макс увидел, как на противоположной стороне улицы из такси вышла его Алиса и зашла в здание с вывеской какого-то отеля. Если бы шнурки у него на ботинках были завязаны, он бы запрыгал от радости. Его план сработал! Правда, не совсем так, как он ожидал. План сработал даже лучше. И Макс, окрылённый удачей, выплыл из бутика в джинсах, вельветовом пиджаке и повязанным на модный манер кашне. В таком костюме и на ярко-желтом «Пежо» он походил на истинного француза гораздо более, чем коренные парижане. Совершив покупку, он красивым жестом надел тёмные очки и направился в отель, куда вошла Алиса. За стойкой администратора ему повезло дважды – персонал отеля прекрасно говорил по-английски, и за небольшое вознаграждение удалось выяснить, что вошедшая блондинка зарегистрировалась под именем Алис Ибю.

Теперь перед Максом стоял выбор: показать своё присутствие в Париже и застать её врасплох, либо же оставаться в тени, инкогнито. Макс сначала хотел просто послать ей в номер цветы, но это проливалось бы на него свет как на маньяка, выслеживающего свою жертву, и от осознания этого он поморщился.

– Уведомить мадмуазель Ибю о вашем визите? – поинтересовался метрдотель.

– Нет-нет, спасибо! – Макс выскочил из отеля на улицу.

«Подойду к ней на какой-нибудь выставке, вроде как случайно, – размышлял он. – Был в Париже, зашел, а тут – ты. Вау, как здорово! Хотя я, кажется, показался ей совсем не любителем художеств. Да я и не любитель. И не разбираюсь... А может, на улице, на выходе из гостиницы? Нет, выглядит совсем не как случайность. Вот бы придумать...»

Макс залез в свою крошечную машинку и ещё раз просмотрел мероприятия на эту неделю в Париже. Листая разномастные сайты, афиши, анонсы, он нашел кое-что интересное и для себя. Как оказалось, в столице Франции в ближайшее время открывалась выставка ретро-автомобилей и выставка-дегустация мировых шоколатье в Клермон-Ферран. Но это он запланировал на потом. А сейчас главным было встретить Алису.

Уже в отеле, ожидая какую-нибудь светлую мысль, Макс смотрел телевизор. На одном из каналов шли новости культуры.

Он оставил канал на всякий случай – мало ли, может, удастся узнать что новое по поводу Алисы. И не ошибся. В новостях, как бы между прочим, сказали, что на открытии выставки шедевров Пикассо выступит искусствовед из России – Алиса Филина. И теперь стало ясно, где её можно встретить, но вот как – это превратилось в проблему. Если сначала он рассчитывал встретить её где-нибудь, проталкиваясь среди людей, то сейчас ситуация оказалась патовой – они находились по разные стороны «баррикад». Однако

Макс всё равно решил пойти на открытие. Время до открытия же провести с пользой – сходить на выставку ретро-автомобилей.

Пока жёлтая букашка старательно везла его до площади, где разместилась основанная выставка авто, к нему наконец-то пришла долгожданная светлая мысль по поводу Алисы. Раз про неё сказали в новостях, ему не надо скрывать свое присутствие, у него есть железный аргумент: услышал в новостях – прилетел посмотреть выступление.

Довольный собой, Макс и не предполагал, что шоу ретро-авто окажется настолько интересным. Даже начавшийся дождь не смог испортить впечатления. Он вдоволь насмотрелся, натрогался, насиделся, и даже купил у седого француза одну из двухсот семи выпущенных «Лянча 037 Страдале». Он мечтал о ней с самого детства, когда увидел её на вкладыше жевательной резинки. Теперь его мечта осуществилась. Радуюсь своему новому приобретению, он и не заметил, как немного простыл, отчего сильно ослаб. Купленную машину Макс поручил бережно упаковать в контейнер и отправить в Штаты. Возвращался в гостиницу уже на закате, полный решимости для посещения выступления Алисы. Следующий день прошел в нервном ожидании и обдумывании. Ему хотелось как-то реабилитироваться за первое впечатление, но чёткий план слов, фраз и действий, отрепетированный Максом со всей тщательностью перед зеркалом, напрочь выбило из его головы, как только он подъехал к месту действия.

То ли от простуды, то ли от переживаний за предстоящую встречу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.